

СМЕНА

★ ЖУРН

ЛЕЖИ ★

ДА
ПРАВСТВУЕТ

1

МАЯ

1924
№
7

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
ИЗДАТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬН. КОМИТЕТА РОССИЙСК. КОММУНИСТ. СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Москва, Неглинный проезд, телефон 4 82 45.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

литературы по всем отраслям знания.
Специальные отделы:
КОМСОМОЛЬСКОЙ и ПАРТИЙНОЙ литературы.
ПОДБОР и КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕК.

ШИРОКИЙ и ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ.

коллективный и индивидуальный

Членам РКЕМ, РКД, Профсоюзов, рабочим, крестьянам, красноармейцам и служащим
ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ СНИДКА.

== ВСЕ КНИГИ ==

только в книжном магазине

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Неглинный проезд, 8, тел. 4 82 45.

Открыт с 11 до 6 часов без перерыва.

Центральный Комитет Российского Коммунистич. Союза Молодежи

Кооперативное Издательство

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Старая площадь, д. № 10/4. Телефон 1-81-01.

Вышли из печати новые книги:

„Молодая Гвардия“ № 2—3. Номер посвящен В. И. Ленину. Художественное издание. Сыныне 500 страниц текста большого формата. 16 шестых художественных вкладок. Массы иллюстраций. Оригинальные статьи и воспоминания: Л. Троцкого, Г. Чичерина, проф. Ферстера, Н. Бухарина, М. Калянина, А. Елизаровой, Х. Раковского, В. Молотова, А. Луначарского, Н. Семанко, Я. Яковлева, Е. Пресбуржского, Ю. Стеклова, М. Покровского, Ф. Ков, М. Ладова, В. Карпинского, С. Орджоникидзе, Н. Батурина, В. Невского, М. Павловича, А. Леонтьева и ми. др. Цена 3 р. 60 к.
Что заповедал нам Ленин. Составил В. Карпинский. Цена 60 коп.
История РКЕМ. 6-ое издание. Цена 25 коп.

Программа и устав РКЕМ. 6-ое издание. Праздник урожая в клубе. Цена 90 коп.
Лилейкин.—Школа—завод. Цена 25 коп.
Материалы по вопросам труда и обучения рабочей молодежи. Цена 35 коп.
Л. М. Васильевская. „Гигиена пропагандиста“. Цена 25 коп.—Идем и выстрели. Цена 65 коп.
Вечер Коминтерна в клубе. Цена 35 коп.
Под знаком комсомола. Сборник 2-й. Цена 1 р. 20 коп.
Маслов.—Очерки соврем. Германии. Цена 35 к.
Гофман.—Голодающая Германия. Цена 15 к.
Германия в огне. Клубная серия. Цена 75 к.

Найтар.—Король республиканской Германии—Того Стиннес.
Проф. Карулов.—Электрическое освещение. Цена 55 коп.
П. А. Молчанов.—Воздушный Океан. Ц. 60 к.
Аваденик А. Е. Ферман.—3 года за полярным кругом. Цена 75 коп.
Проф. Н. Д. Рынкин.—Азростат. Цена 75 коп.
Обществоведение в рабочей школе, со вступительн. статьей Н. К. Крупской. Цена 18 к.
Б. и В. Ивантер.—Земля зажглась.
Песни юных пионеров.—Составил А. Жаров.
Ностерин.—Восемнадцатый годочек.
Ал. Жаров.—Комсомолец. Поэма.

Заказы направлять в Торговый Сектор Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Старая площадь, д. 10/4. Телефон 1-81-01.

РЕДАКЦИЯ И КВТОРА:

МОСКВА, СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ, к 10-4.
Тел. 1-89-13.

ОТДЕЛЕНИЯ: В Архангельске, Екатеринбурге, Ново-Николаевске и Воронеже.

Рукописи принимаются написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦК РКМС.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мес. 2 р. 50 к.
2-й АБОНЕМЕНТ: на год 13 р. 50 к., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мес. 4 р.
3-й АБОНЕМЕНТ: на год 15 р., на полгода 8 р., на 3 мес. 4 р. 50 к.
4-й АБОНЕМЕНТ: на год 17 р., на полгода 9 р., на 3 мес. 5 р.
5-й АБОНЕМЕНТ: на год 20 р., на полгода 11 р., на 3 мес. 6 р.
6-й АБОНЕМЕНТ: на год 22 р., на полгода 14 р., на 3 мес. 7 р. 50 к.

№ 7

25 АПРЕЛЯ

1924 г.

АМЕРИКАНСКАЯ
ПЕРВОМАЙСКАЯ НОЧЬ.

Рассказ Н. АСЕЕВА, иллюстрации Н. ЛАКОВА.

I.

ОРЧАРД Коллинс, глава Колорадской Компании «Топлива и Железа», медленно покинул комнаты своей жены Эни Портен, нестерпимый блеск имени которой не могли откусить ни мучные пылающие «Колорадской Компании», ни таковая угольная пыль, которая, казалось, влезла в каждую букву фамилии Коллинсов. Эни Портен — оставалась Эни Портен. Три месяца Коллинс «приручал», как он говорил, ее к себе. А три месяца это очень много для делового человека. В деловости же Орчарда не сомневались ни его друзья, ни его враги. И три месяца — самые героические подвиги Орчарда не трогали сердца Эни. Ни первенство в беседе — ни авто-гонке Рок-Спринг-Колорадо. Ни крах Медной Компании, подогволенный и осуществленный по заранее рассказанному ей плану. Ни выигрывавшая в боксе чемпионка Джорджия Смолгера — ее завистливого хулиганя в «Тенях экрана», ее отвергнутого поклонника. А ведь в покрывале им пробегали — тоже участвовали, добиваясь ее внимания, Джемс Борнс и Вельборк и Гейвуд. Все было напрасно. Эни Портен — оставалась Эни Портен. Она позволяла ему уничтожать ее врагов, но ни в коем случае не желала увеличивать именно им число своих друзей. И только несчастливый случай с обаятельной, любимой Эни, спасенной им из «двухтрубы», где ей грозила неминуемая гибель от удручения — бросил Эни на грудь Орчарда. Но и ставши Эни Коллинс, она продолжала оставаться в мыслях Орчарда неуловимой, как дым, случайно блеснувший в зеркальном сиянии его помыслов о ней. Слишком велика ее слава! Эни Портен оставалась безплотной тенью с экрана, даже и став его женой.

И вот, поцеловав ее голубой висок, Орчард медленно проследовал на свою половину. Он уже знал, что спать не будет и в эту ночь, как и во многие предыдущие. Дух, гимнастика, работа не успокаивали автоматически продолжающийся раздражение нервов. Три месячной поноги за ускользающей тенью — в конце концов, беде бельмо экрана — сделали из него маниака. Он стал крепко задумываться. В его характере было решаться все до конца. Незавестность, Граспыльчатость, неопределенность угнетали его. Он прикинул свое теперешнее поло-

жение к жизни вообще. Если так гнаться за всем и оставаться с вытянутой физиономией под внезапно блеснувшей люстрой — глупее этого ничего не придумаешь. А сегодня его еще разозлили с утра. Какие то шутники прислали приглашение участвовать в первомайской демонстрации рабочих Колорадской Компании. Приглашение было составлено в издевательском корректном тоне. В нем говорилось о необходимости сближения труда и капитала, о полезности прогулок пешком, о взаимном уважении людей, обладающих хорошо развитой мускулатурой. В другое время Орчард не обратил бы на глупую шутку внимания. Но сейчас она как то странно совопала с издевательским тоном, который звучал в нем по отношению к самому себе. И Орчард со злобой разорвал баннероль со свежих журилов, пестревших у ногловый его кровати. Иллюстрации изображали все то же. Её, Эни Портен, готовящуюся выступить в новой фильме, на бегах, на выставке, в «Обществе Лучших Пловцов Штатов», в момент заключительного раунда бокса, на открытии тоннеля, еще и еще. Иллюстрации пели о ней, шелестели ею, извивались в изощреннейших линиях шаржей и каррикатур, вклинивались серыми прямоугольниками в текст, пестрели яркими пятнами обложке. Орчард отбросил эти. Тогда из других — заграничных — глянули серые колонны молодых лиц, незлакомые сумрачные улыбки полудеревья, полугодовал, шрифт неприличных букв на плакатах: — «Комент! — долгой бур» — это снимки из России, страны, в которой завтра вновь пройдут эти страшные толпы играющих в чело-вечество людей. Орчард остановился на одном из снимков. Как странно: в толпе, в колонне, взявшихся за руки девушек, укутанное в платок лицо Эни, Эни Портен, Эни Коллинс. Завтра нужно будет по-

Орчард Коллинс, глава Колорадской Компан. «Топлива и Железа» и Эни Портен.

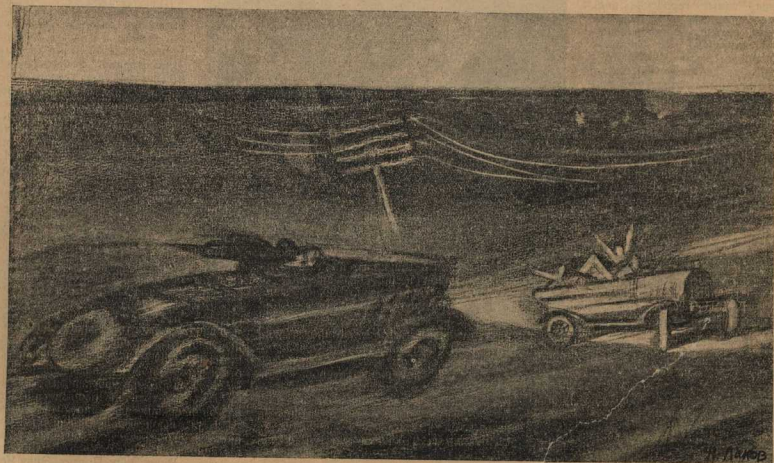
казать ей. Орчард отложил журнал в сторону и стал нехотя раздеваться. Надо все-таки заставить себя заснуть— надо попытаться заглянуть в блестящих ручках несгораемого шкафа, возмущающегося в углу спальни. Повернув свет на угол, Орчард до боли в глазах наблюдал за маленьким светлым мазком на полированной стали. Иногда это помогало. Но теперь— он слишком ясно ощущал биение крови в жилах, слишком точно ощущал сумятицу мыслей, галлопировавших в мозгу. Заглушенный шум нескольких пар ног вывел его из унылого оцепенения. Шаги на правой половине дома— в комнатах Энии—Орчард прислушался внимательнее. Так и есть. Теперь шум заглушенных, но вынужденных к тишине шагов замоч в направлении лестницы, ведущей вниз в подвал. Грабители уже не раз покушались без приглашения отдать визит дому Коллинс. А у Энии как раз вчера потерян ее маленький браунинг. Орчард плавным движением сокосильну с кровати и выдвинул ящик ночного столика, с покоящимся в нем успокоительным Кольтом. Также бесшумно в следующий момент он проскользнул рядом комнаты к спальне Энии. Черт! Двери открыты! Что это? Постель смята, как бы в борьбе, и тяжелый граненый графин смещал свои осколки с осколками трюмо. Орчард, уже не соблюдая осторожности, бурею горя и страха, промчался к выходным дверям. Только один взгляд на Метиса превратника, раскинувшегося ничком, с коробом свивившейся на затылок ливерки, и Орчард на улице. Улица света, уединенна, свежа от весны. Молодой почной ветерок шелвелула растегнутой пиджамой Орчарда.

Грянув колом об асфальт так, что сталь высекла синие искры, Орчард в четыре прыжка вылетел на верхнюю площадку. Телефон? Конечно, они постарались его перерезать. Орчард бегом в свою спальню. Это еще что? Как это могло случиться? Тяжеловесный несгораемый шкаф шесть лет тому назад вносили 12 дюжих носильщиков, кряхтя от натуги. Ведь не может же он сам сойти с лестницы! И однако, светлые места в паркете— только они говорят о его тяжелой поступи. Но раздумывать времени нет ни секунды. Какой идиот мог бросить колы на тротуар? И вот Орчард, как бы, в туфлях, пиджаме, взметывая на ходу рукава дохи, из спальни в умывальную, из умывальной в гимнастический зал—там на стене вечестер—он снова в подвале. За угол заворачивает серый сорокосильный Кадияк, на нем—поблескивающие сталью ребра несгораемого шкафа. На нем зеленый рукав пиджамы Энии, закинутый в борьбе за голову. И ни одного полисизнал! Ни одного! До угла шагов пятьдесят, но выстрел может грянуть не в того, в кого нужно. И Орчард—уже в гараже. Грохочный Ройс-Ройс слышится его, как ребенок. Руль делает тончайшие усилия. Веснер-Стрел летит под колеса. Только бы не запутал серый похититель в переулках Йет-Энда. Ага, они уааряют за город! Это удача! По загородной дороге им не уйти от премированного мотора. Но странно, однако, что, лавируя в ночных переулках, дерякие грабители ведут машину на полном ходу. Их шоффер—дьявольский лавировщик. Но вот и прямой путь. Орчард переводит ход на полный. Манометр отшатывает стрелку влево, как бы сдунутую порывом бури. Показатель скорости медленно поворачивает к цифре 100. С влажным шумом стекленет с

двух сторон прорезающийся воздух. Но передние не сократила вязкой сначала дистанции. Орчард разогревает машину. Он рвет сердце мотора в такт стуку своего собственного. Дорога корежитса, пухнет, извивается. Камень, замеченный им в полупусте, через пятнадцать секунд ныряет под кузов. Но передние не приближаются. Их машина идет так, что кажется, будто бы Причуковский Ройс еле-еле тянется на веревке, и вдруг Коллинс, скорее сердцем, чем глазом, замечает, как кузов похитителей отходит влево в крутом выраже, расчитывая очевидно, повернуть правтврну и е-ледователю. Однако, ровный рокот коллинского мотора настагает врага прежде, чем маневр удастся, а предельная скорость не позволяет ему отвести руль в сторону. И всей своей сорокапудовой тяжестью синий Ройс-Ройс Орчарда врезается в лакированный серый бок дрогнувшего Кадияка. Широкая дуга, описываемая телом Орчарда, забрасывает его далеко вперед сплюсшившихся в один ком перергетой стали вздыбленных, искосерканных машин. Последнее впечатление: бризнувшие сразу всеми звездами небо, перекосенные линии сверху падающего горизонта (Орчард перенерил в причудовом полете от толчка лирико вперед).

II.

Очулся Орчард Коллинс от неприятного ощущения сильного света, давящего на его закрытые веки. Приподнял их в болезненном услии и сейчас же закрыл от резкого темно-фиолетового луча, направленного, как ему казалось в первый момент, с неба. Мыслей в голове не было. Она была свежа, как после чистого и глубокого сна. Защитив ладонью глаза, он вновь попытлся огаянуться вокруг

... предельная скорость не позволит ему отвести руль в сторону ...

Бессмысленными, широко раскрытыми глазами осматривает он пространство, в котором находится.

себя. Свет из фиолетового превратился в зеленый, затем в голубой, наконец в алый, похожий на радостную вспышку тихой нежной зари. Тогда лишь Коллинс мог разгадать, что он проникал через стекло стены огромного зала, в котором он находился. Источник света был за стеною. В первые минуты Коллинс не вернул еще способности размышлять, хотя уже восстановил способность наблюдать. Бессмысленными, широко раскрытыми глазами осматривал он помещение, в котором находился огромный стеклянный шар, перерезанный стальными дугами и заключенный в стеклянный же куб, поднимающийся под уклон в 45° над зеленой сплошной листы. Он лежал в подобии гамака из очень эластичной проволоки золотистого цвета, окруженный никелем и фарфором, неизвестного ему по назначению, сложного аппарата, выстукивавшего какой-то медленный и точный счет. За стеклами стелч видны были стеклянные сооружения разных форм, сиявшие границей под перельчающимися лучами внешнего источника света. И тем не менее, за стеклами стояла ночь, так как небо темного, отодвинутое зеленым светом, как масло, вытекающее наверх водой. На нем были различны блинцы, нежные звездки.

Ордар перевел взгляд на себя и увидел, что тело его обнутило в светлую в светлую ткань, напоминавшую гуттаперчу, но без клейкой вязкости последней. Рядом с изголовьем матово поблескивал небольшой рычажок с надписью: „Сигнал“. Коллинс протянул затекшую

руку к нему. Шар медленно повернулся и Коллинс увидел, вылицинувшуюся в бок из куба, стеклянную же площадку, продолжавшую стену, служащую ему теперь основанием. После минутного ожидания Коллинс увидел также и узкую алюминиевую стрелку, опустившуюся как бы на гладь спокойного пруда. Этот аэроплан был так тонок и емко, что, казалось, тяжесть его не проломил бы и сплошной площадки. Из кабинки его вышли двое, затянутые в ту же шелковую гуттаперчу до подмышек. Они вошли в стекло, как бы скользя по воздуху. Оба были длинноглазые, без признаков старости. Их шафрановые от загара лица сияли ровной масляной желтизной. Синие глаза одного были выпуклые и добродушные. Другой, черноглазый, был суровее и суше.

— Как поживаешь, друг, — спросил синеглазый, сверкая свежими деснами и зубами!

— Ваше сознание выдержало радость нового бытия.

Его голос был звучен и английские слва он произносил с некоторым затруднением и особой тщательностью, указывавшими, что этот язык не был его обиходным.

Коллинс ответил вопросом, внезапно зарожая от чувства безмысленного одиночества и непонимания.

— Скажите, ради бога, что со мной и где я?

— Мне будет трудно объяснить вам все сразу, — продолжая улыбаться, отве-

тил ему синеглазый. Его второй спутник коснулся в это время руки Коллинса каким то блестящим прибором, напоминавшим машинку для измерения номера перчаток.

— Скажу вам просто. Вы в 30-м веке, т. е. на 9 столетий вперед своего времени. Не пытайтесь осмыслить это сразу. Примиритесь с этим, как со сном. И постарайтесь постепенно освоиться со случайностью, происшедшее с вами.

Коллинс раздумывал несколько минут.

— Но как же я могу... — начал было он.

— Это уместное любопытство, — сверкнул глазами отвечающий. — Я опять скажу вам просто: мы возобновили вас всего по височной кости черепа, найденной при раскопках в 28 веке. Не пытайтесь напрягать ваш мозг. Это именно так.

— Слушайте, — сказал Коллинс, — если мы с вами не спим, то нечего морочить мне голову. Этот маскарад и световые эффекты ни к чему. Говорите прямо, какова цифра, которую я должен вписать в чек, чтобы мне вернули мою жену, если она жива, или укажите место ее смерти, если ваш автомобиль действительно подвернулся под меня и все происшедшее не было обморочным бредом после бессонных ночей. Я хочу прежде всего знать о моей жене. Мой денежный шкаф вы, конечно, в праве оставить у себя.

Синеглазый перестал улыбаться. Его добрые зрачки наполнились сожалением и тревогой.

— Мне, очевидно, не мзнее трудно понять вас, чем вам меня, друг, — сказал он раздумчиво.

Кроме того, вы употребляли много слов, неизвестных мне и, очевидно, устаревших из древних языков. Вот вы произносите звуки «джепа», «мой», «денежный». Это, очевидно, понятия не имеющие равнозначных в нашем обиходе. Но мы потом пойдем друг друга. На все сразу. А «денежный джепа» вы объясните нам насколько возможно. Теперь же ядите, мы проверим работу нашего мотора.

Т. е. как, разве он не сл?

— Ну, конечно. Приложите руку к груди и вы услышите, как исправно гонит он влагу по сосудам.

Колени опустились в гамак и зеленые искры запылали у него перед глазами. Искр было много. Они колосились, как снежинки на морозе. Снова свет заставил открыть его веки. Стеклобляный амфитеатр держал в воздухе большую толпу людей в цветном каучуке с шафрановыми лицами и обнаженными плечами. Синеглазый катился на полденной площадке вокруг Орчарда. Шум каких-то двигателей, сплывавших воздух в облачное кружево, рокотал величественным ритмом, возбуждая жажду движения и действия.

Синеглазый говорил собравшимся, о нем. Другая улабухившись, он опыль Коллиса на своей площадке и помог ему взобраться на нее.

— Друг, — сказал он громко, и в тишине мрамор, постепенно удаляясь, повторился отзвук его голоса. — Друг, здесь собрались все представители земли, знающие язык древних веков. Они сопялись на дискуссии прошлого с нашим веком: вы — представитель давно минувшего. Дайте мне вопросы и отвечайте на мои. Короче. Яснее. Проще. Давайте учиться друг у друга: мы — о прошлом, вы — о настоящем. Что хотели бы вы узнать о нас.

— Я хотел бы узнать то сладкое, которым вы усыпляете меня? И причины, заставляющие вас это делать?

— То средство, которое открывает и возобновляет ваше существование — эманация света. Вам нельзя мыслить беспрепятственно. Вы препарированы из очень легко измывающихся тканей. Вот почему мы возобновляли процесс вашего мышления только в важнейших случаях.

— Хорошо, — сказал Орчард. — Но все таки я хотел бы знать, что стало с моей женой.

— То, о чем вы говорите, очень интересует нас? Что подразумевалось тогда под этим понятием?

— А, черт, — взбесился Орчард. — Не хотите ли вы, действительно, уверить меня что я в 30 веке. Довольно шантажа, оптических эффектов. Я отдаю справедливую дань восхищения технике вашей организации. Но я все-таки настаиваю на прекращении дальнейшего представления.

Амфитеатр зашевелился. Синеглазый оставил его волнение поднятой рукой.

— Товарищи, — обратился он к слушателям. — Древнему трудно осмыслить его положение. Он продолжает оставаться в убеждении непрерывности своего существования. Его фантазия отказывается воспринять, что с ним произошло. Внимание. Мы усилим сейчас его восприимчивость.

Слова фиолетовый свет ударил Орчарда по лицу. В его густом потоке зазвездились бесчисленные формы стеклометаллических селений с парадными над ними хрусталиками пересечивающихся аэродорожками с длинными надвоздушными плато, скользящими вокруг видимого отрезка хорды горизонта, с опускающимися от-

куда-то сверху, с гигантских металлических кронштейнов площадок улиц — в бисерными роями аэроплатной мелкоты. На мгновенные головы Орчарда закружились. Но темный зоревый цвет вернул ему волю и сознание.

— Вы гипнотизируете меня, — сказал он задражанным голосом. — Пусть будет так, как вы хотите! Но чего вы хотите?

— Мы хотим, чтобы вы поверили в эту правду и повелили о правде тех дней, — ласково сказал Синеглазый.

— Ну хорошо. Вы, стало быть, 30-й век. И вы, живете без денег, по крайней мере без тех, что были в моем сейфе.

— Денег? — повторил Синеглазый. — Я нашел это слово в очень старинном словаре. Деньги — это то, чем измерялась слава сердца в то время, не так ли?

— Ну, не одна только эта работа, — возразил Орчард, — а и все другие виды ее.

— Да, мы живем без этого слова. Наши движения зависят лишь от учета обще-земной силы, конденсированной в опасных воздушных турбинах. Остаток их мы распределяем по воле нас самих, не обменивая ни на что другое.

— Тумановато, — пробурчал Орчард. — Ну, а женщины, жены, матери, любовь, наконец! Вы тоже ее закупориваете в надоздушные турбины?

— Жена — это то же, что женщина? — в своем ответе полюбопытствовал Синеглазый.

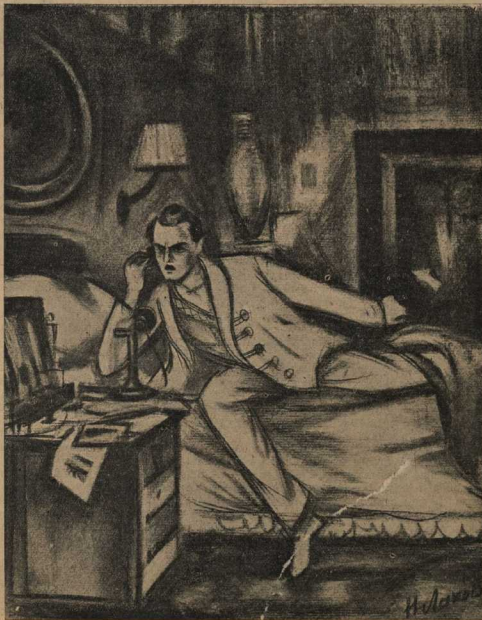
— Да, но только женщина, которая живет со мной, которая принадлежит мне.

— Ах, это значит, родовая дружба. Ну, это отпало уже более полустолетия. Человечество обновляет только действительные свои силы. Беспорядочное сожителство отменено еще при 16 республике советов. Понимаете, как бы это вам разъяснить: слыхало ли человечество при вас о возобновлении материи?

— Это так называемое омоложение, — догадывал Орчард. — Но оно не дало окончательных результатов.

— Наоборот, оно дало бесконечные результаты!

Механический отбор уступил место — экспериментальному. И затем мы бросили всю волю к жизни на устройство транс-планетных путей. Уже полтора века земля не более, как управляемый аэро, бывавший не раз за пределами солнечной системы. Вы видели спектры лучей, полученных нами из созвездия Ленина в платном секторе Юпитеровой магистрали. Они зоревое цвета и восстанавливают волокна! нервов, как солнечные! лучи — хлорофил у древесных листьев.

— Верно—передразнил его Вацлав,— сами не могли додуматься.

Через четверть часа, сняв слепок с ключей и, получив необходимые указания о проходе в библиотеку, он распрощался.

Несколько дней спустя в одной из аллей Петровского парка, подернутых вечерними сумерками, показались две фигуры. Молодой человек, с заметной почитательностью, что-то тихо говорил своей спутнице. Оба засмеялись. Злобно и жестко.

— Этот Новиков едва ли откроются: замки целы, дела он принял при комиссаре. Женщина остановилась у дерева и запрокинула голову к звездному небу.

— Вы хорошо придумали, Вацлав. Это как раз те сведения, которые нам были нужны. А за гибель Эрба и Баранникова мы отплатим. Я возьмусь за это дело сама. Мы жестоко отплатим.

Гл. XII.

Волчьи врата.

— Готовьте бумаги, Андрей, через два часа качу в Москву.

— Как, в Москву.

— А очень просто: курьером от Войтинского к Кате.

Андрей откинулся на спинку стула и расхохотался.

— Вот как. Однако, быстро вы его облагопошили.

— За то экзамен мне учинили такой, что я предпочел бы стоять под беглым артиллерийским огнем. Кончили же тем, что они приняли меня за денкинского контр-разведчика, о котором слышались всяких небылиц.

— Ну, Валико, с этим вас можно поздравить. А яки получили?

— Одно в Новороссийск, другое— в Москву. Хотели, было, дать еще в Казань, где у них какой-то доктор сидит, да раздумали.

— А как вы пробегерете?

— На турецкой фелюге прямо в Новороссийск.

— Такой маршрут нам на руку. Я дам вам два пакета: один—для тов. Клячка, а другой—Костину. Как видно, организация значительно шире, чем мы думали. Постарайтесь скорей сообщить из Москвы как дела.

— Теперь они у нас в руках во как сидят.

Когда Валико ушел, Андрей сел писать. Совершенно ясно вырисовывалась сила Войтинского с Крыком, подотвода десятка под Новороссийском, бело-зеленые отряды в горах и группы в Москве, да в Москве ли только? Загнанная на полуостров генеральской шпоре стало тесно в Крыму, как в мешке, но вылезть оттуда можно только разрушив тыл Красной армии. Со дня на день надо было ждать новых вылазок под боком и ударов в самые уязвимые места еще не окрещенной Советской России.

Перед отъездом Валико был принят Войтинским в кабинете штаба.

— Надо остерегаться,—пояснил тот,— город кишит этими негодяями. Англичане арестовали десятки дам и успокоились. Впрочем, учить вас не приходится, ведь мы на вас возлагаем исключительно большие надежды.

— А в этом турке-лодочнике вы уверены?—закнул удочку Валико.

— Черт его знает, он только контрабандист. Знакомство с ним случайное.

Путешествие до Новороссийска не представляло никаких затруднений. На случай встречи с добровольческим или интантовским судом в Валико был пропуск от Кук-Кольца и удостоверение от генерала Драенко. У Советских берегов предстояло говорить и действовать хозяину фелюги Мамеду, турку лет тридцати пяти, рослому красавцу с крепкими руками и зорким взглядом. Летняя жара смягчалась на море легким ветром и лайба, медленно вздрагивая, скользила по зеркальной поверхности.

Валико, знакомый с переплетом взаимоотношений закавказских народностей и хорошо изучивший кемалистское движение, сразу понял, чем дышит Мамед. Когда тот раздельно и выразительно произносил „Мустафа-Кемаль-Паша“, то имея это в его устах звучало восторженным гимном, торжественной молитвой. Также явно проскальзывали и его надежды на помощь Советской России. Но если Валико быстро разгадал своего спутника, то моряк с первого слова подумал „Брагелеский разведчик“. И с тактом, достойным восточного дипломата, надулывал убеждения пассажира.

— Как у вас дела на фронте,—спрашивал он в надежде, что ответ окончательно подтвердит его мнение, но Валико был осторожен.

— Затихло, кажется.

Одним раз только за весь переезд на горизонте показался дымок парохода и они пересекли бесесоватую полосу—след от судна. На четвертые сутки показались туманные очертания гор и в полдень, под легким норд-остом, входили они в Новороссийский порт. Выехавший катер особого отдела провел их мимо

мола и около четвертой пристани фелюга, бросив якорь, ожидал осмотра. Валико никогда еще не был в Советской России и с любопытством глядел на новых людей, так решительно и уверенно делавших свое дело на берегу.

После докторского опроса сотрудники особого отдела, три военора и два портовых рабочих, запросто поздравившись с Мамедом, уже не в первой наземщины в Новороссийск, обратились с вопросом к Валико: по тот, помня наставления Андрея, стал нарочито громко рассказывать какую-то нелепую историю и, сбившись, понес такую окоселуцию, что один из моряков, махнув рукой на все объяснения, и повел его в особый отдел. Мамед, что-то шептавший во время допроса одному из матросов, ехидно посмотрел ему вслед. По дороге Валико заметил небольшую юркую фигуру, с беговыми ключоними глазками и неспокойным лицом, испуганно смотревшую на него.

— Кого это вы, товарищ, ведете,—спросил маленький человек, подходя к конвою.

— А вам, товарищ Кириакопуло, обязательно все нужно знать,—отозвался моряк. Не видите разве, беляка заполучили с турецкой фелюги.

— Кириакопуло!—мелькнуло в голове у Валико. Не тот ли самый?

А Кириакопуло точно ударило: „не комне ли? И, заметив, что задержанный смотрит на него, дружно подыгнули и злобно покосились в сторону матроса.

Валико насторожился. Когда они вошли в караульное помещение и сопровождающий доказывал о приводе, Валико нагнулся к греку и шепнул ему пароль Новороссийского.

Юркие глаза Кириакопуло забегали

Кирикопуло вояная рысью.

по всем углам и, боязливо озираясь, он произнес отрыв.

— У вас при себе «вредные» бумаги есть. Давайте скорей.

Валико замаялся, но в этот момент его вызвали в другую комнату.

Короткий разговор с командантом, недоверчивые вопросы и, наконец, телефонный звонок к Клячко.

В то время, как посланный по делам в город Кирикопуло бегал по улицам, путая все поручения и лихорадочно обдумывая план освобождения Валико, тот подробно и обстоятельно описывал Клячко план захвата Новороссийская белыми. Один из пакетов Войтинского, адресованный «Парикмахеру», содержащий ряд ценнейших документов. Были также указания предпологаемые места высадки десанта и давались определенные инструкции.

Над столом нависло несколько фигур, сосредоточенно разглядывавших карты побережья.

Молчание нарушали только возмущенные восклицания и короткие вопросы. Судя по письму, до десанта оставалось около месяца.

— Однако, кто же этот «парикмахер», — спросил Клячко, когда общая картина готовящегося наступления стала ясна.

— Один из ваших сотрудников, — ответил Валико, обращаясь к Бондаренко, начальнику особого отдела, — некий Кирикопуло.

А, черт, — опомнился первый Бондаренко и, вскочив, как ужаленный, с силой захватил кулак по столу. Он сейчас в городе нужно послать за ним.

В комнате наступила давящая тишина. Всем было ясно, что значит иметь шпиона в такой организации.

— Тише, тише, товарищ, — остановил его Валико, — грек откуда не убежит: он видел, что я арестован, и, без сомнения, захочет со мной спеситься. Кроме того, в этих бумагах только одна сторона дела.

— Товарищ прав, — поддержал Клячко, — передайте это дело нам.

И, переговариваясь вполголоса с Бондаренко и Валико, Клячко ушел.

Валико был отведен в одиночную камеру и к вечеру его ^{уже} ^{заключили} заключили. Что бы то ни стало ^{туда} ^{идти} идти в хитрую умышку.

Вы спасены, — объявил он Валико, — я назначен следователем и ваше дело поручено мне. Вас уже освободили.

— Да, но ничего не нашли. Адресованное вам письмо я запрятал на фелюге.

— Но ведь турок мне не поверит: он сразу увидит, что я грек.

— Да, пожалуй, вы правы, Мамед ярый кыялист. Постарайтесь освободить меня.

Кирикопуло задумался. Затем спросил: — Что вы им говорите?

— Говори, что — моторист, у белых не служил, еду на родину.

— Ну тогда я вас удостоверю и поручусь. Я здесь пользуюсь большим уважением и мне сразу поверят.

И, самодовольно причмокнув языком, Кирикопуло с.рылся за дверью.

На следующее утро караульный начальник вызвал Валико к команданту и тот, проделав всю процедуру освобождения, отпустил его на все четыре стороны.

Кирикопуло уже ждал в условленном месте. Нетерпеливо распечатал письмо и прочитав точные указания места и времени десанта, он улыбнулся; но затем победилел и выронил листы на пол: в дававшихся ему инструкциях от него требовали быстрых и решительных действий, сопряженных с большим риском, а вот этого-то последнего Кирикопуло никогда не любил.

— Я знаю содержание этого письма, — сказал ему, еле сдерживая смех, Валико. — Десант будет высажен через два дня и мне поручено помочь вам во всей этой операции, так что часть работы вы сможете возложить на меня.

— Да, да... бормотал Кирикопуло — очень много дел в городе... я не могу выехать... мое отсутствие заметят...

— Я в полном вашем распоряжении.

— Ну, тогда вы поедете в горы, — обрадовался трусливый шпион, — и передадите «зеленым» диспозицию. Вы человек воинный, помогите-ка составить ее.

Поробавт около часа над картой, Валико знал точное расположение «зеленых» отрядов и пол его диктовку, в соответствии с только что прочитанными инструкциями, была составлена диспозиция.

Кирикопуло облегченно вздохнул, развалился на кресле и, расставив циркулем свои короткие ноги, начал обдумывать план переезда на конспиративную квартиру.

В это время Валико и Клячко встретились за широкими постройками складов около мола.

Клячко стоял неподвижно, точно в землю арос. И, сдвинув брови, напряженно слушал. На только что закончившемся заседании ему было поручено провести план захвата бело-зеленых и он сосредоточенно взвешивал все шансы на успех.

— И так, по нашей диспозиции шоссе ^{идет} ^{от} ^{здешнего} ^{места} ^и ^{«Волчьих} ^{Ворот»} ^{под} ^{Геллен-} ^{джикю} ^{идет} ^{на} ^{пассаже} ^{будут}

заняты зелеными, — говорил, волнуясь, Валико, — хватит ли у вас сил, чтобы встретить их сразу и достойно.

Клячко с минуту помолчал, потом дернул бровью, скосил глаза и переступил с ноги на ногу.

— Ежайте скорей, Валико, и завтра к утру возвращайтесь. О достойной же «встече» не беспокойтесь.

Валико предстояло проехать верст сорок с лишним по шоссе, а затем пешком или на лошади двинуться в горы. Нельзя было терять ни минуты, но надо было во время пути остаться незамеченным и это значительно осложнило задание.

— Автомобиль у вас есть, — спросил он Клячко.

— Но вы нельзя...

— ...сесть в автомобиль, — перебил его Валико, — а буду лежать внутри, покрашенный брезентом.

Через четверть часа, обладая прохаживая пылью и жаром, автомобиль уносил Валико по извилистому шоссе. Лежать было неудобно. Но подняться Валико не решился. По дороге тянулись арбы, плелись прохожие.

Через полтора часа машина замедлила ход, подвезая к Гелленджикю и, свернув за кусты, остановилась.

— Завтра в 7 утра встречайте, — сказал, разминая ноги, Валико.

Валико пересек живописный горный дождь, и, пройдя по данному ему Клячко адресу, встретил старика-крестьянина, возмущенного с чем-то до двора. Тот с трудом прочел записку и старческие глаза его метнулись злобой.

— Двух сыновей у меня белые убили, дочь изнасиловали... Чем могу помочь? И, разувая в каком направлении едет Валико, старик подробно объяснил ему дорогу и вывел его лошадь.

Проехав верст восемь, Валико повернул вправо и едва заметной тропинкой стал взбираться в гору. Уже темнело, когда среди низкорослых деревьев послышался окрик и три вооруженных людей окружили его. По разношерстной одежде и разговор в них нетрудно было узнать сторожевое охранение бело-зеленого отряда. У одного на френче ясно видны были следы спортивных погон. Валико лал обхвачек себя и назвав пароль, сообщенный ему Кирикопуло, решительно заявил: — Этот пакет лично полковнику.

Через пол-часа проматовый провел его в лагерь. Самодельные шалаши были великолепно замаскированы, а несколько военного образца палаток покрыты ветками и зеленью.

Полковник, еще молодой, крепкого сложения офицер, сперва позлорительно поглядывал на Валико, но когда тот, отклоняя вопросы о расположении красных частей, сказал, что только вчера прибыл из Батума и назвал несколько знакомых полковнику имен, разговор принял дружеский характер.

— А почему никто из офицеров не носит у вас погоны? — спросил его Валико.

— Видите ли, здесь довольно сложная ситуация. Приходится работать не только с нашими, но и сторонниками кубанской рады и социалистами. Зачем отбывать от себя? Мы свое возьмем!

(Окончание следует).

101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

САМОТРЖНИКИ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Повесть Жана Рийнна в переработке С. Мелия.

Первой Вовзванной. Иллюстр. А. Калла.

[Содержание предыдущих глав.

Нак жрецы творят чудеса.

ЖРЕЦЫ и священники всюду одинаковы, гораздо более пошлivity, чем религиозны. Главней жрец церемоний, который сначала испугался, скоро разоблачил в действительности. Он, тогда, что чудесное было просто сделано из двух людей в искусственном поклоны. Им уже известно было жалеть большого миссенского направления, что бы достигать, что эти два человека, ксещи, убеждали в каторги. Ему стоило сказать слово своей невежественной лавте и чудовище было бы разогнано в аэроу, так как религиозный страх был бы побежден авторитетом жреца.

Но старик недовольно извлек поклау из чула. Он имел большое влияние среди нескольких племен, так как сам умевший «мысленно» разговаривать с духами. Какое же было бы теперь его могущество, если бы он узнавал в сношениях с ними. Он надеялся выиграть, чем жрец, он сам будет сверхъестественным существом.

И тогда он может склонить поклау начальником перед собой, возгоревшись, при поддержке народа, знаменитый Заговор Духов и восстановления правды сто предков, род монархий, где он будет король—первоисшествный. Это рассуждение, как видение, миссаклу, в его учении.

В то же самое время он спускал вниз по трем холмам начальникам, служившим миссаклу. Стан на миссаклу, он спускал вниз по трем холмам крику, потом, дав знак, молчаливой своей увещав жреца, он двинулся вперед на встречу призраку. Все диакры попадали ниц в смертельном страхе. Слышно было перышечное дыхание груди и свист зубов. Зубы диакров стучали, как отступая.

Только несколько жрецов, единодушных в старости жреца, заговорили профессиональное молчание. Но они это замаскировали чрезвычайным уважением, которое произвело еще большее религиозный эффект.

Между тем Жан и Мариус провалились медленно подниматься, желая этой dignitously переднежидения возбудить воображение диакров и подготовить их к последнему представлению. Они могли только переговариваться, благодаря соединенным головам.

— Однако, и простояли же они,—подсмеивался Мариус,—ишь, разлагался, как камбалы.

— Прово, и не думаю, что так легко можно сойти за богов, и как вы видите, они только призраки.

— Это доказывает, что они слабые ребята.

Спуск старика сплуга их веселее. Они даже струндяли немного, вика, как он приближался к ним с респективным видом.

— Постой,—сказал Жан, замедля шаг,—не зарекайся бы от чего, доброго.

— Да и мне тоже кажется. Только как же это так. Он только что так струсил.

— Да, но теперь он проворен. Он был являлун чревоушением, это понятно. Чревоушеница—настоящее чудо. Но теперь он больше не хочет дать водить себя за нос. Он видит, что был феномен—подделка, как имеют длинные фальшивые часы.

— Ах, ты боюсь, как кричат жрецы, мой старик Жан, вместо того, чтобы подумать, что делать.

— Что делать. Я вижу только победить против на нас, ты видишь

ГЛАВА ПЕРВАЯ знакомит с Жаном Плу и Мариусом Мазоклар, атлетом и акробатом, неразлучными друзьями, слепыми Коммуни, приговоренными белокаверийским военным судом в ссылке на Новую Каледонию.

ГЛАВА ВТОРАЯ знакомит Жана и Мариуса в боюхот Новой Каледонии, убеждающих в каторги. Неподвижные Барбелас при свете луны замечает на боюте блеск металла (это окисляющая коробка со спичками на ююле Мариуса) и метким выстрелом сбивает ее. Мужественные хлаборники и кромешная тьмаютно уничтожают подозревал на влуптхакши. Великий снастило провадит через зону каторги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ изображает члнителя ко времени прибытия наших коммунаров на остров Нов. Каледония и повествует о первом действии их, о выходе на последние под присмотр надирателя Жан. Барбеласа, и кончается на том, как из уюла Фов Барбеласа Жана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ повествует о тяжелой жизни друзей и любви их к Жанне.

ГЛАВА ПЯТАЯ—об исчезновении Жана, ююле Барбеласа, его угрозах отпавить Жана и Мариуса в тюрьму и двойной горе последних.

ГЛАВА ШЕСТАЯ—выясняет рсиканское решение Мариуса бежать с каторги и искать Жану и сообщать о приговорах друзей к рсиканскому путешествию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Жан и Мариус, занесенные течением реки в подземелья, миссаклу ищут выхода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ к овлечению читателя высказывает, что пейзаж—эрот дикарей, посещаемый туристами, знаком читателя с топой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ—описание различных реализаций черемной и хитроумного поления Жана и Мариуса в виде члнителя, состоящего из двух дышек тел.

Все диакры попадали ниц в смертельном страхе.

привел себя в равновесие, а я приведу его в безумные удары кулака. Паши хороши.

— Да, я не вижу другого, илао привиняться. И тот члн великопейте тем, что остальные члнты испугаются еще больше и мы тогда можем сделать, что хотим. Идет на удар кулаком.

— Но старик не пошел на них прямо, он был слепым сторожем. Он остановился шагах в 10-ти, а так как они все еще подвигались, он был связан вполголоса на ломаном французском языке.

— Выи друг. Добрые Уи. Уи и добрый жрец повел. Добрый жрец старик. Зла вам не делать. Ни вы ему. Выи друг.

— Твой друг,—ответил Мариус,— в то время, как Жан остановился.

Старик пошел тогда вперед, чтоб заставить диакров поверить в то, что он преклоняется перед Духом.

Когда он подошел совсем близко, он сделал обоим друзьям знак отойти с ним поговорить за скалу, чтобы никто не слышал их разговора.

И так он пошел, один, пятая, с странными жестами, сделав вид, что исчез в стене. Там все объяснено. С обещанием старик скрывать мило нечего.

Старик открыл свои планы. Жан и Мариус признались, что убежали из Порт-Франс. Старик объяснил, что он захватил жреца и ягу. Акробаты переписали свои бесконечные трюки. Они назвали друг друга и увидели, что трюки они могут оставить всемогущественный союз.

Французы уже дали понять, что им нужно было только одно: размять мюлоду девушку, без сомнения влупую дикаришу. Главой образом, они могли оказать друг другу взаимную услугу. Старик сказал им, что Жанна, правда, в плену у туркочес, но обещал их вернуть.

Французы уже дали понять, что им нужно было только одно: размять мюлоду девушку, без сомнения влупую дикаришу. Главой образом, они могли оказать друг другу взаимную услугу. Старик сказал им, что Жанна, правда, в плену у туркочес, но обещал их вернуть.

Французы уже дали понять, что им нужно было только одно: размять мюлоду девушку, без сомнения влупую дикаришу. Главой образом, они могли оказать друг другу взаимную услугу. Старик сказал им, что Жанна, правда, в плену у туркочес, но обещал их вернуть.

Французы уже дали понять, что им нужно было только одно: размять мюлоду девушку, без сомнения влупую дикаришу. Главой образом, они могли оказать друг другу взаимную услугу. Старик сказал им, что Жанна, правда, в плену у туркочес, но обещал их вернуть.

Французы уже дали понять, что им нужно было только одно: размять мюлоду девушку, без сомнения влупую дикаришу. Главой образом, они могли оказать друг другу взаимную услугу. Старик сказал им, что Жанна, правда, в плену у туркочес, но обещал их вернуть.

ними. Только один пункт пришлось опровергнуть—это о том, что первый обещал вернуть услугу.

— Дайте мне ласканду,—сказал Мариус,— и мы тогда будем делать все, что захотим.

Нет,—отдалека жрец,—сначала скажите, что я захочу и тогда я заплачу вам услугу. Он рассудка правильно, что чем больше будет его влияние, тем легче ему будет удовлетворить своих друзей.

А маолад девушка была во власти одного могущественного начальника, и он хотел сделать ее своей женой. Чтоб бороться с ним, старик должен был увеличить свой престиж.

Оба друга представили себе два несекских комбинации, чтобы довести до конца замысел жреца. Когда произойдет переселение и старик жрец окажется победителем, он им даст возможность переселиться на ближайший остров, населенный сароульскими. Союзники их продолжали довольно долго, но старик не боялся шансов нетерпеливо со стороны дикарей, которых он время от времени выкидывал несколько слов молитвы, что бы узнать, что он все время тут. Он прощился еще немного слов отсутствие, чтобы приготовить к чулу.

В самом деле, Жан и Мариус были слепыми по сиренейским обещаниям для духов.

Старик об этом позабылся. Несмотряю семисте доверил ему азукаты, чтобы он сам окуная в озеро, и он рокрыл ими друг своих помощников, надел им их на шею, на руки, на ноги. Потом, развел на лодке, стариком, немного охри, он вывелся из виду.

Когда все было готово, они вышли из убежища, испуская громкие крики, и начали творить чудо.

Мариус стоял на плечах у Жана и нес, старого жреца на подмышках руках. Диакры увидели издали эту удивительную группу, они поинтересовались от страха, пошла, как соблаб, и тогда старик бегит, воображая, что чудовище замалодо старикой, и хочет утало его замучить у них на газлаз.

Прижавшись друг к другу копящийся жуеи, они не могли ни идти на север, ни на юг, ни на восток, ни на запад, так как они все молниеносно, как можно скорее, не понимая их смысла и стараясь количеством выкупить качество. Остальные, более хладнокровные, мысленно приносили старому жрецу возмездие, чтобы уметь выжить. Духа. Все зрянули глаза, как животные, которые думают избежать опасности, если не будут ее видеть прямо перед собой.

Старый жрец почувствовал все преимущество своего положения. Духи так выжили, что диакры были в его власти; их только нужно было поддерживать в этом состоянии экзальтации. Сила же духу этого необычного тела, составленного из Жана и Мариуса, он, пролив кровь, и миссаклу и сделал всем знак иррациона. Потом он придушил гимн, который стал читать врасплох торжественным голосом.

Диакры подыкали головами. Старик уступил место любознательности и восхищению.

— Смотрите, люди,—сказал жрец,—сожрите дух и покормите его! поговорили.

В это время Мариус, испугавшись с женой Жанна, поставил на джало жреца.

— роль Войтнскочес!—старик.

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Юркие глаза на двое. Это—Сила в это, чада на Жана, а потом

Смерть Берелласса.

На утро, верный своему слову, старик привел Жану. Вещь себя от радости, она бросилась на шею своему дружку.

Старик наблюдал за этой сценой с нетерпением. Он опасался, что онаши и хотел в слово охотнее потребовать у иностранцев исполнения их обещания. Он дал им понять, что наступил момент, когда нужно сыграть вне грота роль духа, если они хотят увидеть валиние своего союзника и поучить, благодаря этому, возможность уйти с острова. Но как это сделать. Надо было оставить Жану спрятанной в гроте, чтобы ее не нашал старик. С другой стороны, надо, чтобы дух выскочил. Но нельзя было никак оставить Жану одну.

— Один из нас останется здесь с вами,— сказал ей дружок.

— Нет, я не хочу решать вашу судьбу. Тот из нас, кто выйдет отсюда, будет свободен и вернется. Тот же, Жанна, кто останется, даже, если он умрет здесь в гроте, поучит высшую работу и умрет около нас. Жанна, вы сказали раз вечером, что сами сделали выбор из нас. Я никогда не смею вам воплотить о вашем слове, но сегодня обстоятельства требуют, чтобы вы его сдержали. Выбирать, Жанна, это необходимо.

— Да, сказала атаст,— это необходимо.

Жанна была очень смущена. Она не решилась открыто заявить о своем выборе. Наконец, она, молча, почти пристыженная, подошла и подала руку Жану Шу.

Марюс судити сильные горе. Он склонил голову и опустил руки.

— Но это случилось недавно. Что-ж, разве Жан и Жанна перестают быть его друзьями? Ничего подобного! И потому, жизнь кругом. Разве не дело Марюса забывать горе угнетенных тружеников своим весельем.

Марюс грахнул головой и сделал привычную grimace. Чего голова весит, особенно теперь, когда до полного освобождения остался один шаг.

В этот момент его внутренней борьбы Жан и Жанна с эгоистическим чувством любви молодости молча пожимали друг другу руки. Говорили только из глаза.

— Ну, друзья,— вало ити мне,— таухо сказал Марюс.

— Милый друг!— и Жан крепко обнял его,— ты здесь не сердитесь на нас?

— Жан,— ответил превосходный человек с редкой для него серьезностью.

— Жан, мы были арестованы в Париже, до осени Париза боваль. 18 марта слыла нас арестом. Жан, я рад за тебя и за Жанну.— Он и крепко пожал обеим руки, направляясь к выходу.

— Нет, нет,— заключил ему вдруг старик. Дух не идет, как уй, уй, дух весь голый, дух тагурино.

Марюс погна и разделся за остающей.

— Прощайте,— сказала он, оставаясь паре.— Я поеду искать утешения в работе для вас и буду работать на все силы. Мы выберемся с этого проклятого острова и захватим по иную.

Марюс,— заключила молодая девушка,— вы идите из сюда, вы любите, вы нас прощайте.

— За что вас прощайте. Стойте, вот доказательство того, что я верю, что у меня чудесские мысли. Обратите мое письмо, это будет забавно.

— И я не обману, правда!

— Это доставит мне удовольствие,— прибавил Марюс.

Жану и Жанне было так странно оставаться одним, с полной свободой говорить обо всем, что встало на душе. Эта свобода даже их смущала и они сразу не могли произнести ни одного слова.

— Милый мой Жанна,— сказала, наконец, Жан своим подружкам.

— Что с нами будет. Мне страшно...

— Страшно. Ну, милый Жан, я впервые это от тебе слышу, чтобы ты боялся.

— Я никогда раньше не боялся, поскольку дело касалось меня только, и поскольку я чувствовал в себе силу стать лицом к лицу ко всякой опасности, которой ты могла бы подвергаться. Но теперь не знаю почему, мне кажется, что я не могу тебя защитить. Если нам придется погибнуть в гроте, где ты, что смогу я сделать. С этим же я силен бороться.

— Но у меня хорошее предчувствие. Марюс принесет нам поест. Мы останемся здесь на какое-то время, потом в хорошую погоду отправимся в путь и найдем случай убраться с острова. Мы посидим в Сидней, потом поедем в Австралию.

— В Сидней? А какой дорогой. На каком пароходе, мо милая. Ребенок!

— Мы поедем, я тебе говорю, и уверена в этом. В Австралию другим плавают много морков, хлопья ведут торговлю в Австралию. Нас возьмут на

борт. Марюс и ты будете отличными матросами а я займусь, если будет нужно, кухней для экипажа. Мы будем в Сидней. Какая радость. Какое счастье. Мне кажется что я всего уже достигла.

— О, если бы ты была права, какая была бы радость. Как бы мы были счастливы. Я работала бы всю ночь бы сил, от всего бы сердца. Акробатом я не остаюсь бы, я не хочу, чтоб ты была женщиной и я изучу ремесло. Как следует и не знаю ни одного, но пробовал учиться лесником. Я могу быть кузнецом, тележником, плотником; я смею, у меня есть мужество. А ты разве не будешь со мной, чтобы поддержать, покрепить, чтобы любить меня. Какой хорошей жизнью мы живем. Когда я буду вечером домой с работы, меня встретит моя Жанна, моя маленькая Жаннетта и Жанно. Я буду крепко целовать их, отдавая...

— Так, как твои Жанна сейчас тебя целует,— отпустила молодая девушка, прерывая его пошевелу. О, Жанна, мой обоженный! Мы воспитим новых людей. Наши дети должны будут вырасти в неспешности к этому миру насилия.— Если не во Францию, то в другую страну, ведь всюду труженики одинаково грабят богатые классы, они стнут борцами за справедливость.— Но варту! все это мечта, варту... что чудовищно. Достигнуть неба и ринуться сбить в бездну мрака, опуститься в этой могиле.

— Ты меня тоже пугаешь. Если-б ты оказалась прав и нам пришлось бы сейчас умереть... О, и не прав и нам пришлось бы сейчас умереть. Я хочу жить с тобой, для людей, для тружеников...

Марюс стоял на явках Жана и нес на явках старую острого.

— Значит,— заметил Жан Марюсу, прерывая свое удивление— мне это кажется уже надоедать. Если так продолжается, то с этой особой заучится удар, а у меня уже мурашки поозают по руке. Намеч следующий морак.

И в то время, как Марюс развертывала свое акробатское тело, атаст подхватил старика и поставил его на землю, принакрив ему острожно макушку большим и указательным пальцем.

— Большой старичек,— сказал он ему шутом,— ты и не подорожал бы, а с твоим складным проделал одно из самых прекрасных украшений в свете. Черт побери! Вель больше ста фунтов и продажт сейчас в «кашсах».

Марюс в это время хотел до колоды в бокал, обрешая возмущенные физиономии дикарей.

Старик поблагодарил их, но всех сил लेकर французский язык. Было решено, что оба друга не выйдут из порта, где они были в совершенной безопасности; он оставил им огнива и факелы и и обещал принести новость через несколько часов. Тут же он занял, что по что бы ни стало придет на другой день Жанну.

Марюс хохотал до колоды в бокал.

Правда несколько часов. Факел почти потух. Из угла, где он был выставлен, капала вода за каплей густые слезы смолы. Бани дымного света комкались и плыли на потоке трещащих туманов. Отверстие подземелья тоило во мраке.

— О, сказала Жанна,— как темно. Вот и свет догорает. Если Марюс не придет сейчас, мы останемся в темноте.

— Нет, иди, и не труська. И потом я ушла. Я лучше полежу на земле, отожду и останусь на свету. Ты только говори со мной.

— Милая, ну пойдем со мной; но ведь это же банально в трех шагах!

— Нет, иди, и не труська. И потом я ушла. Я лучше полежу на земле, отожду и останусь на свету. Ты только говори со мной.

Она бесечно растинулась на полу, спиной ко входу в грот, старик, как ее возмущенная, вала в перед, ила сначала в передней части грота.

— Ничего не вижу,— сказала атаст через минуту.— Может быть,—это с другой стороны, я пошу там. Ты не боишься, мой мальчик? Так как я не отвечала, он обернулся и увидел, что она уснула.

Он послал ей пошеуд и пошел на другую сторону скалы, на шпалочк, старшек не шуршит камнями, чтобы не разбудить Жанну.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

К новой жизни.

Он думал о приятных вещах, о счастье, которое дадут ему Жанна, о будущем, которое предстоящая радость златою надеждой. Внезапно поспешившие шум казавшие ему дьявольным похулом, которые слетели с губ Жанны:

— Увы! Это похороны Барбелеса. Он отправился с 25 людьми на поиски бабелон. Благодаря страху, который он навел своим отрядом, и подаркам, сделанным диками, ему удалось избежать опасности похода в Жанны, и потому он не осмелился ни помощи старшего жреца. Старый плут сам, допрошенный, выдал под угрозой смерти убийство. Счастливо для Мариуса! Он ушел из хранилища старика перед самым приходом смотрителя. Но, будучи любознательным по натуре и желая воспользоваться свободой, чтобы изучить немного окрестности, чтобы посмотреть, несли ли бегство какой опасной помощи старика, он не сразу пошел в грот.

Кроме того, он был снабжен провизией, факелами, веревками, оружием, которое замедлило ему ход.

Он оставил людей у входа в подземелье, а сам пошел в отверстие в грот, в соответствии только старому жрецу. Он рассчитывал на свой двухствольный карабин и на свою меткость стрелка, чтобы убитой обогнать, прежде чем они заподозрят опасность.

— Есть-ли там свет?—спрашивал он у своего проводника.

— Да, да, ты их увидишь, а они тебе нет.

— Отлично, тихо, тихо! Ак, канальи! Я их подожгу, как крас в миске. Паря деру, что они будут у меня на кончике руки, не успеши ударить.

Он не ошибся в своих расчетах. Приблизив к отверстию, ведущему в грот, он увидел при дрожании света факела, что кто-то лежал у стены. Я увыно,—думал он,—этот восток, это, очевидно, Мариус. Но как же Жан, черт его побери. Я хотел бы видеть обоих, чтобы им лучше делиться. Этот свет. Отлично. А другой. Он произвел достаточно шума, чтобы привлечь внимание того, кого было видно, но недостаточное, чтобы его слышать. На этот раз Жан великодушно различил, что шум этот шел из подземельного хода.

— Мариус,—сказал он,—это ты. И я вышел на темноту, он появился на свету. В этот момент Барбелеса довели в Жанну. Услышав голос Жана, он отстанул на секунду наезд от курка. И этот момент спас Жанну. Она включила на голос своего любознательного и пудра Барбелеса свет прожектора на урне с попой, отблела его слышать. Истуганная девушка, вскрикнув, упала на землю.

— Жанна, Жанна, дочь моя. Я убил эту негодную, так ты,—вскрикнул Барбелес, все еще не понимая, откуда раздавался голос. И с этим словом он выстрелил в смельчака. Атлет был ранен в плечо. Но он был храбрее. И с силой его ударив, ствердил при крике Жанны. Он увидел, как она повалилась на землю и кровавый туман застал его глаза.

— Твоя дочь,—вскричал он и разгневно бросился на Барбелеса.

— Твоя дочь, папа! Ты убил ее! И, собрав свои силы, он зарывшей рукой схватил Барбелеса, склонившегося было над Жанной.

Он крикнул рычал. Он преодолел боль в своей руке и шапелся Барбелеса толовой о стену; здесь разбитый, бездыханный рателем остался широко, беле с красным пятном.

Когда старый плут увидал, что Барбелес убит, он поспешил убежать.

Покась, приближаясь, он увидел, когда пришел Мариус, не было уже ни одного входа в подземелье. Он проник в ход. У него была соловая рыба, мышь, таракан и факел. Было что поесть и чем осветить в темные недра. У него было оружие и три больших ножа. Было чем защититься.

— Вот будет довольно-то,—говорил он. Потом, погнавшись, приближаясь.

— Странно, что не видно света в конце хода. Должны же доходить какие-нибудь лучи, саяя у них горит факел. Ба! Да ведь он, может быть, погнут. Но их совсем не слышно. Ну, да это они, ах, пеняется между собой.

— Эй, Жан! Жан! Плу, мадемуазель Жанна.

— Сюда, сюда Мариус,—ответила ему рыдавшим Жанна.

Смерть Барбелеса разрушила планы жреца. Каждую минуту солдаты могли одуматься и вернуться за телом своего начальника. Кто знает? Может быть, они захотят мстить туземцам? Хитрый жрец и его протестующие почитатели одинаково хорошо знали нравы белых завоевателей. Вот почему они востепеняли уши подальше от дерева в лесную чащу. Таким образом, три участника трагедии остались предоставленными самим себе.

Часы проходили в мрачном молчании.

Мариус, все попиная по жизни и труду, сохранив наибольшее самоблагочиние, что мог иметь, живя в относительной, словно выдерганной, слова Жана и восхиляющейся Жанной. Он отпустил Барбелеса и думал этот пещеры, подним вышло, револьвер, патроны, приготовил пищу... Назо было что-то делать! В работе легче...

Жан угрозо сидел на камне, свесив неповажно голову. Итак, конеш Беглый карманы, совершивший убийство, он должен будет понести суровое наказание... Нет, он не жалел Барбелеса. Он любил Жанну, но ему нет дела до того, что этот человек был ее отцом. Барбелес—орудие успешного и подлой мести этих сытых буржуа, позавидовавшие. Жан механически пересел на палых перечень числа коммунаров, погибших от жестокого режима карателя, надблюдитель Барбелесом. Среди них были два батальона, сто дружка по форту Исса. Он вспоминал их веселые, обгнетные, обожженные порохом лица там в Париже.

Канювал. Снявряд превращают камин в атеистическую урну. В этих славных воспоминаниях Жан почувствовал облегчение. Он оставил шеюком отделиться. Мы сказали бы, что они прошли перед ним, как кино-фильм, как длинная лента ярких позолоченных динамичных событий. Жан чувствовал, как кровь начинает обращаться в его жилах, как низкие мочы шеперы расступаются.

— Туа, увы на борбу. Вырваться, работать оиньт для революци!

В первый раз Жан осознал, что он уже не атлет Плу, а шельмог Плу—коммунар, Плу—революционер из великого Парижа, для которого все в прошлом и все в будущем в революци.

Он вскочил с места, бросился к Мариусу, из готовая вырваться, крик замер на его губах...

Жанна тихая и точно ставшая меньше, простерлась на камнях. Жанна лежавшая на камнях в позабытом и забытом, отпущенного солдатушенного была между ним и Мариусом.

— Жанна, любимая, мой Жанна, что я надела, прости...

Жан упал на землю рядом с ней...

Этот порог разрядил тугостую атмосферу.

И Жанна простила, потому что ей не было чего прощать. Жанна была железный закон борбу и стала не издательницей Жана, а издательницей, простыми, но сильными своей непосредственной верой в будущее, в правду трудящихся, изменило. Ее Чакис лесов ее симпатии нехотко колебались. На одно из них привлекла ее привычка, на другой—любов, дружба, и нечто еще большее—смутное прозрение нового мира... Она решила... Она отдала прошлым последний год, поцеловав мертвого отца и грустно покажа руку муау...

На утро «кажорини» помынул пещеру. Жан и Жанна шли, взявшись за руки, а Мариус с винтовкой замаял следом.

— Итак, друзья, мы отправляемся в Сидней. Маленькая задержка в парохде? Не беда! Мы выдем ему навстречу! Два дня пути по равнинам и через лес и мы будем у южного берега. Мы берем как и вылезем навстречу, как только покажется дымок судна,—балугри Мариус.

— Но свои нас преждут... Наши костюмы...

— О, негодяи, костюмы! Конечно, ты и Жанна их сбросите, как это уже сделала и, и превратится на несколько часов в полинейшес.

— И все-таки, как мы обясним свое появление в дожде...

— Как обясним, как обясним... Это меняет дело,—заборотил Мариус.

Наступило молчание. Впрочем, продолжать разговор и не было возможности. Дикая мангровная и паллаудовый лес с цепкой бесконечной паутиной лиан окружил пунтиков и заставил их приступить к поискуе пути с помощью ножей.

Мариус настаивал, чтобы идти по прямой линии, для уничтожения следов.

Только под вечер они выбились на опушку к сестам, и в зачехлении лесов, перебежавшему через поротные кисти.

— Мы сделаем здесь привал,—иссело вскричала Жанна,—а потом я вам скажу мой план.

— Ванн плазт!—взвизнул Мариус.

Да, план Жанны, и я уверен, что он будет хорош,—восторженно воскликнула Жан, нахальная встел для костра.

Посмотрим, посмотрим.

Они насытились собранными дорогой бананами и кокосами и Жанна начала:

— Это будет походить немногого на меленую кашиню по географии.

— Хорошо,—оборали друзья.

— Все европейские поселения нашего острова находятся на стороне, обращенной к Австралии. Итак, вы увидите, что неподалеку только несколько южные Нумен, на побережье—узел всех паролонных линий. Я отвергаю этот план. Если мы выйдем на берег, нас арестуют на каком судне и выддут французским властям.

— У них хороший сторож, у капитанов,—объявил Жан.

— Мы должны искать другого пути. На северо-восточном побережье у туземцев мы достанем галюу. Мы пойдем далеко в море. Чем нам там придется на севере Соломоновых острова. На английской почве мы свободны. И на нашем пути только германская пароходная линия. О, я хорошо знаю карту! Как часть я ее смотрела, думаю о милон Париже...

— Я принимаю этот план,—вскочил Мариус.

И на Соломоновых островах мы станем колонистами. Мы будем работать и жать тогда момента, когда можно будет вернуться на родину, на свободную родину...

— И пока этот момент не наступит, вы будете растие детей, а я их буду изничтожать, добывая Мариус.

— И мы их воспитаем в великой несправедливости к эксплуататорам, не так ли, Жанна,—тихо сказал Жан.

К о н е ц

В этих славных воспоминаниях Жан почувствовал облегчение.

О ПОДХОДЕ К ДЕВУШКАМ,

О ДВУХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, О ДЕМОНСТРАЦИИ НА НОЛЕНДОРФ-ПЛАТЦ, И О СКВЕРНЫХ ШТАНАХ...

РАССКАЗ В. Г. ПЕТРЯКА, РИС. М. ЯГУЖИНСКОГО.

Гришка и Ванька, пошмыгавшись, направились к обшмыганку.

I.

ЯРОСТНО, почти со слезой, обнимавшись потом от усталости что-то доказав, проходило собрание киевля. Ванька старался указать новые приемы подмоки к девушкам, каждый ссылался на свой многолетний опыт в этом деле...

В конце концов, договорились до того, что «ванду первого мая дискуссия отложить, а пока принять за основу новый коммунистический метод подмоки к девушкам и стараться внедрить в них новый быт».

Ковчилось собрание. Усталие разошлись ребята. Гришка и Ванька, пошмыгавшись, направились к обшмыганку. Шли по Павлицке под душой.

Ванька тоскливо мечтал о красной девушке со стрижеными волосами и подполсанной в талию лавовым повиском. Ванька на опыте убедился, что девчата бегут от него. Они не любят его рыжих волос.

Гришка более практически разрешал этот вопрос. Он хорошо знает, как подойти к девушкам, в частности к Лизе, и в частности к его любимой, которая без пяти минут комсомолка.

Сначала он угостит ее мороженым, затем поведет в кино и будет объяснять картину («А в сердце ее бьют за „слиз любовь-Луиза-тангошницки“ — драма в 7 частях), а потом проведет домой, но не сразу, сначала у ворот посядет на лавочку. Пошедутильк... Затем спит».

Что произойдет дальше, Гришка не успевает предположить. Они уже подошли к обшмыганку и исчезли в темном квадрате двери.

II.

Если бы они знали, что сейчас (1 час и 27 мин. ночи) в Берлине, в обшивке на Бархатских, фашисты тайносовато совещаются о способах разложения переможской демонстрации, они бы детали бы спокойно на жесткие постели, а до боли стиснуты бы кулаки и угрожающе махали ими в темноту ночи. Пусть знают ваньки!

С сожалением, ни Гришка, ни Ванька не могли догадываться об этом разговоре.

Ничтожным разговором был договоривший Фриц Ванька. Он говорит:

— Чтобы разложить демонстрацию, мы все переедемся в восточные рабочие и, вышедши в их ряды, внесем паньку в том месте, где полиция го-

товит им встречу. Разногом демонстрантов и изобьем их гавайер.

— Браво, Фриц! Браво! — раздались аплодисменты со стороны десятых присутствующих.

Итак, без промедления к делу. Сегодня в 10 часов начнется демонстрация. К этому часу будьте готовы.

III.

В 12 часов из окна общежития выглянула непривычная голова Гришки Севянина. Если бы не музыка, он проспал бы до заката того предмета, который сейчас освещал землю.

Музыка будоражила Гришку. Уверенный ладными в смелый пологоник, Гришка, казалось, забыла вчерашние споры о методах посылки девушек в комсомол.

Ванька, этажем выше, тоже выглянул в окно. Он ругал себя за то, что проспал.

Гришка, сторвавшись от возмущенного зренья, тоже стал одеваться. Одевшись, оба одновременно излезли за аверные ручки. Двери оказались закрытыми. Успешнее на демонстрацию товарищи ихорных захватили с собой ключи.

— Ах, черт, — вырвался шлопот недовольства из двух пар губ.

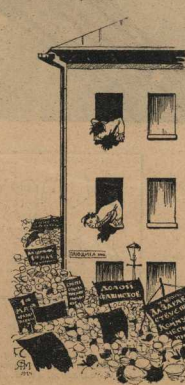
Затем, под влиянием знакомого мотива, широко прорывающегося через открытые окна, они решились на кинематографический трюк. Недаром они заветали всех кино-чювиков в «Ороезе» (на первый сеанс безбилетно проходили по знакомству). Недаром они грочие всех и арестные всех орут «рамку», когда начинают прыгать люди на полотно.

Гришка на втором этаже Ванька — на третьем — решились. Они прыгнули вниз. Схватившись за косяки, они перевалились через подоконник...

IV.

По Ноллендорф-Платц должна проходить комсомольская демонстрация.

На Ноллендорф-Платц отряды полицейские посылает демонстрантов.

Ванька бежалась...

Начальник полицейского отряда Рихард Клаппер.

На Ноллендорф-Платц передатые фашисты должны внести разноемние в среду демонстрантов и схватить ее гавайер.

На Ноллендорф-Платц, одним словом, должна прозойти схватка.

Начальник полицейского отряда, Рихард Клаппер, с огромной головой бульбана, в 10 час. 34 минуты сидел в уборной и третий раз перечитывал приказ о разноем демонстрации. Рекомендовалось не останавливаться перед кровопролитием.

Рихард Клаппер яростно кричал и галка его краснела. Сегодня у него болит живот с самого утра, а тут еще демонстрация, чтоб ее черт побрал. Часы показывали без семи минут 11. Через семь минут демонстрация должна быть подавлена, уничтожена, истерта в порошок и... и... чтобы ее сделать с демонстрантами!

Вдруг, выстрел. Это предупреждение. Быстро вскочил, Рихард Клаппер попустился остроу боль в животе. Глобедиев, стал одеваться. Потом, нетерпеливо махнул рукой и бросился к выходу. Мундир был расстегнут, а брюки загадочно сияли к сапогам.

Изма прорвался брюк и произошло все несчастье.

Рихард Клаппер никак не мог сесть на лошадь, несмотря на помощь рыжего шумана.

На другом конце площади, с переулка двинулась демонстрация. Пели песни, кричали... Сгрудились в кучу, толпались конные полицейские, оклика приказаний командира. Демонстранты направили на них откисели к центру площади.

Рихард Клаппер вскочил в седло. Что-то треснуло. Лошадь рухнула. Рыжий шуман покраснел: он увидел огненный зад напыльника. По Петру трепалась веселое офицерское сучко.

Поскакая к демонстрантам, Рихард Клаппер гроно приказа разойтись.

В откес — молчанье.

Рихард Клаппер злобно возмиз шпоры. Лошадь метулась вомком на место, подвиз тушу пыли.

Вдруг со стороны демонстрантов раздались огушительный крик, и в то же время извольные крики. Рыда в середине заволаговась. В воздухе раздались десять жабных гоголов.

Покажите обрано... Полиция согрел нас в порнолок.

В откес трывауа негодующий протест сотни гоголов:

Нет, никога!... Вперед!

Две пары глаз искали всякие возможности.

И выстрелы раздались. Копыта «завенесли» по асфальту. Пыль поднималась столбом над кричавшими толпами и скрывала картину побоища.

V.

Гришка и Ванька, перекинувшись через подоконники, увидели, что не так-то легко добраться до тротуара. Но музыка приятно нектовала приключескую таблицу мозгового аппарата и заставляла совершить что-то необыкновенное.

Две пары глаз искали всяких возможностей спуститься вниз и не находили.
— Эх, пожарную лестницу бы! — вздохнула Гришка.

— Хотя бы возосточная труба поближе была. А то от окна на три аршина отехала, сволочь, — похмула Ванька.

Фанфары обмалкивали звуками с гелконнами, барабаны им помогали и подвигивали заключенных в общежития комсомольцев.

На тротуаре лежала куча сужого желтого песку для номички мостовой. Эту-то кучу сейчас и заметила ребята.

— Сейчас прыгнут! — по два слова, решительных слова вырвалось у каждого, и они занесли ноги на подоконник, как вдруг... музыка оборвалась.

Все кинематографическое настроение куда-то улетучилось.

Досадливо сжав кулаки, Ванька и Гришка вернулись в комнаты и из всей силы стали стучаться в двери. Второй и третий (он же последний) отзвук отдавались неустовым грохотом.

Кто-то из сердобольных соседей по общежитию, пододрав клапачи, открыл им двери.

Гришка и Ванька встретились только на улице.
— Ты еще не на демонстрации?

— И ты тоже!
Торопливым языком больше говорить не разрешается, иначе могут не догнать удаляющуюся демонстрацию.

На Зубовской падали демонстранты остановились. Легкий митинг.

Обмалкивая потом Гришка и Ванька, прилетевшие словно сумасшедшие на площадь, успели услышать последние слова оратора:

— ... мы здесь свободно празднуем первое мая, а там, за-границей, наши товарищи по борьбе выходят на улицы под градом пуль.

VI.

Когда на Нюландорфплац рассеялась пыль, непредусмотренная дворниками, ступолоку можно было разглядеть. Демонстрация уже рассеялась. Комые полицейские кого-то избивали. Избиваемые вопили и кричали:

— Мы, свои... Оставьте нас. Мы же перелетать только. Свои же, черт возьми!

Но разошедшиеся, омыленные кровью, шумом коня, получившие приказ «не разбираться», улетали своих».

О ни из «своих», долговязый, весь в пыли и в оборванной рабочей куртке, сидевший на нем, как мешок на бревне, подбежал к метавшемуся из стороны к сторону Рихарду Клеферу и, позымая какую-то бумажку, чего-то требовал.

Но Клефер, злой на портного, скверно шившего брочи, прискрывая одной рукой кусок сузы, размахнувшись шляпкой, шляпкой удари долговязого по голове. Долговязый (это был Фриц Ванцим) упал без звука.

Полицейские избивали провокаторов в рабочих урках. А рабочие со своими знаменами ушли обратно, не оставив полицейским не только что по-жак, но даже окурка папирсы.....

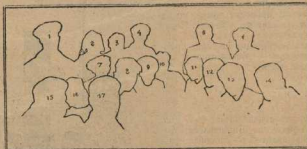
Трое были убиты, семерых избитых полицейские взяли в плен.
Только в полицейском отделении выяснилось, что Германия потеряла троих фашистов навсегда, а семерых на неопределенное время, впряде до выдворения.

...семерых избитых полицейских взяли в плен.

ПЛЕНУМ ЦК. РКСМ.

Снимок Ф. Зубкова.

ШТАБ КОМСОМОЛА СССР: апрельский пленум ЦК. РКСМ.

1. В. Розов, 2. М. Павлов, 3. П. Смородин, 4. Черкасов, 5. Бела Кун, 6. В. Васютин, 7. Елин, 8. Муртабаев, 9. А. Файзалиев, 10. Н. Чилин, 11. М. Сорочкин, 12. Тарасов, 13. М. Зоркий-Мунки, 14. О. Тарканов, 15. В. Далан, 16. Касименко, 17. А. Федоров.

Л Е Н И Н

НА ПЕРВОМАЙСКОМ ПРАЗДНИКЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. РАСКОЛЬНИКОВА.

грузовиком развезалось знамя Цека, на другом — молодые рабочие высоко держали знамя Цека.

Эти грузовики служили импровизированными передвижными трибунами, откуда ораторы нашей партии произносили свои речи.

Вокруг каждого грузового автомобиля тесным кольцом смыкалась толпа рабочих и солдат. Речи произносились одновременно с нескольких трибун. Вдруг с одного из грузовиков раздался громкий и отчетливый голос: «Слово имеет член Центрального Комитета товарищ Ленин».

Тотчас вся толпа, окружавшая соседние машины, хлынула к тому грузовику, где уже показались Владимир Ильич. Речь тов. Ленина была сравнительно коротка, но в ней он успел коснуться всех болевых вопросов того момента. Выяснив свое отношение к империалистической войне, он развил идею международной солидарности трудящихся, остановившись на критике временного правительства и отсюда перешел к разъяснению лозунга о переходе власти в руки советов. Закончил он свою речь громким возгласом: «Да здравствует международная социалистическая революция».

Рабоче-солдатская аудитория слушала своего вождя с затаенным вниманием. Путем напряжения своего голоса Ильичу удалось стать слышным повсюду. Мне впервые приходилось видеть тов. Ленина на широком массовом собрании, да еще на открытом воздухе. Должен сказать, что только тут, я, как следует, понял все обаяние Ильича, как оратора-массовика. Он говорил необычайно популярно, выбрав самые простые слова, но его речь сама собой укладывалась в красивые и правильные, совершенно законченные литературные периоды.

Речь Владимира Ильича, произведенная на всех слушателей сильнее всего впечатлением своей неотразимой убедительностью. Она была встречена бурей рукоплесканий.

Кроме Ильича, с трибун Цека говорили т. т. Григорий Евсеевич Зиновьев и Лев Борисович Каменев. С одной из трибун пришлось выступить и мне.

Передав привет питерцам от имени революционных кронштадтцев, я свою речь заострил на восхвалении Ильича. В виду той травли, которая еще не затихла в связи с легендой о «пломбированном» вагоне, мне представлялось очень важным изложение основной биографической канвы нашего партийного вождя и оценки его выдающейся поли-

тической роли в революционном движении вчерашнего и сегодняшнего дня.

Аудитория выслушивала все наши речи с полным вниманием.

Затем, по окончании митинга, рабочие и солдаты стройными рядами со своими знаменами разошлись по районам. Это был первый рабочий парад, организованный нашей партией. В радостном настроении мы возвращались домой. Демонстрация 18 апреля впервые наглядно показала, что в Ленинграде наша партия имеет за собой крупные силы. Это придало партии уверенность в ее действиях и соответственным образом отразилось на ее тактике. Через несколько дней произошли известные апрельские события,¹⁾ где партия в полной мере использовала успех первомайской демонстрации.

¹⁾ 3 мая по искомому стилю крупные волнения и демонстрации в Ленинграде, по в связи с захватнической нотой Временного Правительства 1 мая.

В 1917 ГОДУ наша партия решила праздновать день международной солидарности трудящихся одновременно с рабочими всего мира. Поэтому, первомайские митинги и демонстрации были приурочены к 18 апреля, что по новому стилю соответствовало первому мая.

Социал-соглашатели категорически отказались присоединиться к нашему решению и свои первомайские торжества назначили по календарю старого стиля. Таким образом, нашей партии, оставшейся в одиночестве и, тем не менее, твердо решившей провести праздник труда отдельно от всех остальных политических группировок, впервые за все время революции предстояло продемонстрировать стойкость за ней себя.

И нужно отдать справедливость — партии большевиков удалось вывести на улицу под своими знаменами многочисленные массы рабочих и солдат, симпатизировавших ее политическим лозунгам и ее революционной тактике.

Благодаря своим крепким связям с районами и полками Ленинградского гарнизона, партии удалось блестяще подготовит и организовать первомайское шествие. Центром демонстрации было выбрано Марсово поле. Именно сюда с разных концов города, с отдаленных окраин стекались огромные толпы выступавших с нашими плакатами демонстрантов.

На огромных красных плакатах заметно выделялись надписи: «Долой войну!», «Да здравствует международная революция» и т. д.

Уже с утра я был на площади. Стоял прекрасный солнечный день. Посредине Марсова поля возвышалась вместительные грузовые автомобили, битком наполненные нашей публикой. Над одним

НА ГОРНОМ ШОССЕ.

ОЧЕРК РУДИНЕВА-ГАЗИМА

Лишь тогда, когда новороссийский поезд выбросил меня и Флорентину на перрон Тоннельной, мы обнаружили пролажу моего портфеля. Вместе с этим портфелем погиб мой мандат члена югостройбюро ЦК РКСМ. Ускользала последняя надежда на то, что мы сможем через испоконк быстро заполучить лошадей, чтобы сразу направиться в Анапу.

Это было на рассвете первого мая 1921 года.

Росли сомнения: отпраздновать первое мая в Анапе, как мы предполагали, не удастся.

Долго не раздумывая, двинулись пешком по направлению к Анапе. По извилистым тропинкам, вдыхая удивительно крепкий, с привкусом моря, воздух гор черноморья.

Издали, с высоты этих гор, обмачиво-бно виднелась полоска моря—Анапа. Но чем ближе к этой полоске, тем ближе к печальной мысли: к полудню не достигнёт ее...

...Безоблачно-синее небо, приный воздух, горы, тропинки, холмы.

Ускоряем шаг. Почти бежим. Не дело же в самом деле провести первое мая, шагая по этим горам. Хотя весь этот черноморский ландшафт и манит, loudly зовет к себе,—но только не в первое же мая, черт возьми!..

За поворотом большой горы мы стоим, глядясь еще с одним пешеходом.

Среднего роста, со стальной, потрескавшейся от ветра и солнца, кожей лица и серыми, с задорным живым огоньком, глазами. На вид ему было не более двадцати одного—двух лет.

— Едет из Краснодара к друзьям в Анапу, не рассчитал поезда, лошадей дать отказали, и вот такая история...

Степан Шорстый (фамилия нашего нового друга) рассказывал:

— Сам я бывший слесарь Армавирских мастерских Кавказских железорог. Недавно только из армии, а сейчас работаю в Краснодаре инструктором горрайкома партии. Да... Иду вот, знаете, все и думаю: как это не ладно нынче вышло с 1-м маем! Прямо больно, скажу я вам... Помню, как находился за прошлым годом в красно-зеленых, и то справляли этот день артезиан-ским праздн-праздником что есть... Хорошо, ежели к вечеру прибудем в Анапу посла всего.

Серые глаза устремились в точку, в полосу моря. В глазах была подлинная грусть: большая праздничная радость, тштно рвущаяся на простор людского коллектива.

...Внизу была видна широкая, угрмбованная песком, горная тропа, по которой двигались двуколки и телеги из Анапы к станции Тоннельной. Ехали стачнички с небольшой ярмарки... Ехали степенно,—никуда не спеша.

И совершенно чужда была им неподдельная грусть Шорстого...

Идея пришла Флорентине.

— Почему бы нам, друзья, не спуститься вниз. Соберем народ, который едет из Анапы и проведем в горах первомаяскую де-монстрацию...

Близ станции Натухаевки, на горном шоссе Анапа—Тоннельная взвился красивый флаг. Оказавшееся в руке Фло-

рентины красное платье обнаружило ценную способность быть перекрестным в два красных знамени (древко: телеграфный столб и дерево).

Став у своих «знамен», мы приготовились к организации колонии «манифестантов».

Первая двуколка остановилась подле нас с большой решительностью. Хозяином ее оказался казак-украинец, после ярмарки склонный весьма иронически воспринимать окружающую действительность.

— Шо центаке. Та не кумедянты вы? Шорстый быстро нашелся.

— А может быть и комедянты?..

Погоди, соберем-ка еще народ, тогда и посмотришь. А пока не закуришь ли, братишка, табачку? Сухумского, а не ващего, Анапского!..

Через какой-нибудь час мы насчитали двенадцать телег и двуколок.

Стачничков разбирало любопытство, а пока что,—разбирая сухумский табачок, терпеливо ждали.

Митинг открыла Флорентина. Места за президиум (в телеге) заняли мы трое и первый украинец-казак.

Иза-за моря дул ветерок, развывая сплавашине на лоб волосы комсомолки Флорентины. Каждое слово несло далеко,—только проделав круг, через море, оно возвращалось с гор.

— Не комедянты мы, товарищи стачнички. Мы ребята, трудовые люди, сегодня у нас большой праздник,—день

1-го мая и о нем желали бы с вами, товарищи станичники, поговорить...

Голод Флорентины был насыщен светостью черноморских гор, звонкой радостью мая.

— Же-ла-ем, же-ла-ем, же-ла-ем!..

Шуришали сыпавшиеся с гор камушки.

Пожилкой станичкой, неизвестно после каких слов Флорентины, расчувствовавшись, подошел к ней вилотную и прокричал прямо на ухо:

— Его правильно... за это, дочка, тебе спасибо...

После вступительной речи Флорентины, слово для доклада о 1-м мае взял Шорстый.

Он говорил почти надрываясь, вкладывая в каждое слово безочевенно много чувства. Видно, это умение говорить, выступать, досталось армавирскому слесарю, Степану Шорстогу, не легко. Каждое слово было выстрадано. На собраниях красноречие цезя, солдатских митингах, красноармейском зрелиществе, краснодарской районпартишке, — всюду шлифовались эти слова, оттачивались. Говорил Шорстый простым, понтымным языком. Лицо сияло детской радостью.

Слушали станичники. Из глубин их душ, из-под плотных слоев невестства, подмалася, где-то притивавшаяся, робкая радость, сейчас расцвеченная речами Степана Шорстога...

Лица были задумчивы. Слова вызвали воспоминания: нанесенные обиды, ненужные смерти... В то же время заражались радостью, удалим вселив. Само лицо Шорстога заражало. Каждый мускул...

...Горное шоссе Анапа—Тоннельная впервые выдала такое зрелище. Хомуты нескольких лошадей были перевиты красной материей... Карнавал в двенадцать телег и двуколов, во главе со Степаном Шорстым, на гребне удалых казачьих песен станич черноморских гор, рабочих гимнов армавирских слесарей, комсомольских песен рабочего молодняка, — двинулась к станции Тоннельной...

...До поздней ночи в этой станице, в обществе степенных казаков, мы праздновали 1-ое мая. Плясали гопака, пели крепкий станичный мед... Под окнами станичная молодежь, не уместившаяся в тесной избе, с завистью глядела, а старики понять не могли: день будто не воскресный и чего это вдруг?

Армавирскому другу Шорстогу, славному комсомолке Флорентине, — привет.

Где бы вы, друзья, не проводили 1-ое мая, вы будете своей радостью властно заражать всех, с кем будете соприкасаться.

Ибо нет прививки, кроме слепой ненависти против заразы, именуемой в первоймайской радостью рабочего молодняка.

Из комсомольского блок-нота.

ВОСПОМИНАНИЯ МУННИ.

Дени.

Плакат польской войны 1920 г.

ФЕВРАЛЬ — в цепком горячем плену сыпаника. Из больницы, где в корридор хрипели умирающие, выставили на другой день после кризиса. Грязный Киев и шинельная толпа с непривычки показались сверкающе-яркими до рези в глазах. Обросший бородой, подгулялой, шатаясь, побрел в Губком партии.

Март — увидел из окна расхлябанного вагона, на тучных и бандитских полах Полтавщины. Поезд, как корридор с'ездовского зала: в вагонах, в клубах махорочного дыма kloכות дискуссия; в рожке — туды литературы; походный запах раздает буханик хлеба и тюрнички сахара; хозяйственно проходит вдоль поезда секретарь Киевского Губкома партии, Рафес. За окнами — весенние гризны, вз'ерошенная бесполокая Украина; в вагоне — нафталин. Предупредительные густо солят щепотками магического порошка скамьи, успокоено выдыхают благодатную вонь и с ужасом всматриваются: не ползет ли тифоносный враг по мирнованной нафталином наре. Ночью — могучий храм; ветропильные воспоминания в углуб; вместо табачных туч — огненные точки; моноотный перечь городов, имен, провалов, дивизий, операций побел.

Апрель — поехал дышать на родную Вольню, где апрель густой и медвяный, как крепкий настой. Принес мем туда бронепоезд. В двух переходах до города окопался поляна, но воздух — не прифронтовой. Для Житомира погромы стали буднями: галантейрейшки с Рыбной заранее включают их в недельный бюджет. Им ли думать о белых орлах, третий месяц спящих за шесть десятков верст?

Но на улицах тихо. Зал набит битком. Чужаки! Они не приносят, наоборот, увесят немногие скамьи...

— Почему этой? О чем собрание?

Полки.

Больше этого слова никто не знает.

Ладно, закурим.

В зале не осталось скамей.

— Стр-р-р-р!

Это дело. Коротко и внушительно.

Щелк коблук.

— Ряды—взвод!

Две сотни большевиков невозмутимо зашагали по залу, оборачивались и полуоборачивались по команде и следили сурово за тем, чтоб «шляпы» не теряли ногу.

А из корридора доносилось второе:

— Ряды—взвод!

Это комсомолки, раз'яренные тем, что их не взяли в ряды, формировали особый отряд.

Уже днем самолеты противника беззаботно кружили над городом: сердитый пулеметный лай пугал не их, а базарных торговцев, с грохотом одевавших на двери замки. После многодневного отдыха город услышал злоевиный орудийный клекот; к вечеру улица наполнилась до краев оборванными пехотниками и бесчисленными тачанками, подводами, телегами. Красная армия отступала.

В тот же вечер тысячи понурых городских кляч потащили из города советский скраб. Эвакуировались в беспорядке и увозили хлам, оставляя нужные вещи врагу. Вечером же погрузили на телеги упирившихся коммунисток и комсомолок и отправили по шоссе в Киев.

Пеня.

Плакаты Польской войны 1920 г.

Ночь мы провели в том же зале, не смыкая глаз и думая об одном:

— Оружия!

Револьверы, бывшие у нас, почему то отобрали, выдав взамен сомнительные расписки. Поляки подходили к городу. Коммунисты были переданы «в распоряжение подива». Подив не распоряжался. Двести безоружных большевиков ржали:

— Паника! Или измена?

Уже рассвело, когда от подива прибыл бородач, которому было поручено заняться нами. Нам вывели на улицу. Опять в ряды. Тронулись.

Куда?

В Киев. Пешком. Без оружия. В хвосте бегущей армии.

Решили с кем следует—расквитаться позже, когда устроится, а пока бодрости не терять. Грянули хоровую. Провожали нас безомные толпы друзей и врагов. Мы знали, что наши ребята уже в подполье.

Город позади. Шоссе, весенний волынский лес. В догонку—наростающий орудейный ад, а тут, в промежутках между раскатами спокойный шелест листвы. Скорее! Надо догнать армию...

Расположились у дороги отдохнуть. Со стороны—не привал отступающих, а пикник. Только ушел шепнуть Землю, что не болно спешим, а надо бы спешить—как где-то рядом зачесал пулемет. За ним другой. Винтовочная крупа засвистала между деревьями. Со всех сторон! Кулацкая деревня лила пулеметную злость на убегающую «коммунию». Поляки били с шоссе, сады.

Минута замешательства. Дикое безудержное бегство. На перерез шоссе (тут же упало несколько) в поле. В рассыпную по свежесуханным огромным комьям, припадая к земле; в простран-

Смыкаемся. Минутное совещание. О чем совещаться? Тычу пальцем в горизонт.

— Вот линия столбов! Левковский шляк! Туда.

Пошли.

Мы уже недотягаемы для пуль. Но что нас ждет в Левкове?

Часа через два мы уже видим первые хатки местечка. Навстречу громыкает телга. Мы—в сторону. Поменьше бы встреч! С телеги:

— Митин! Куда?

Митин шарахается, но, оглянувшись, узнает:

— Здорово, паря! Тебя куда несет?

Секретарь левковской комсомольской ячейки мирно едет в Губком в Житомир.

— Опоздal маленько: в зале Губкома паны пляшут краковяк...

— Поглядим, хорошо ли пляшут! А вы шарьте в Левков—наши ребята наготове.—И невозмутимо нахлестывая, заюасал дальше в Житомир.

У самого Левкова—разъезд:

1) Предказание не сблысло. И он и я через две недели получили красивые делегатские билеты II съезда КСМУ в Харькове...

ство, в поля, в сторону от шоссе, в чужое и враждебное сердце придорожных ив; живые мишени для невидимых пуль.

Кругом пули. Мимо пронисится долговязый чахоточный печатник с высоко поднятым указательным пальцем, из которого бежит кровь. Улыбаюсь и кричу Митину.

— Не придется быть на втором всеукраинском съезде! Митин улыбается в ответ:

— Не придется, Зоркий...).

Но зачем бекать? Вель и впереди враг. Не лучше ли лечь? Поддвигаются ноги.

Упал. Полежал минуто. Сбросил тяжелый мешок и двинулся вперед, уже не спеша, не обращая внимания на комаринное пение пугль. Оглядываюсь. Вблизи только двое. Остальные далеко, далеко по сторонам.

Сбросил тяжелый мешок и двинулся вперед, уже не спеша, не обращая внимания на комаринное пение пугль. Оглядываюсь. Вблизи только двое. Остальные далеко, далеко по сторонам.

— Ваши документы.

Перепел! Решились.

— Член Губкома Комсомола, член Губкома партии...

— Здравстуйте, товарищи. Мы—из отряда левковской организации Коммунистического Союза Молодежи...

В Левкове нас собралось человек 30. Дважды семнадцать (семнадцать людей и семнадцать винтовок) дал нам здешний Комсомол. Обходными путями выбрались на киевское шоссе. Где мы? Между армиями? В зоне ли красных? Разведка в деревню, и ясно: поляки нас обошли.

Первый польский разезд мы обстреляли и обратили в бегство. У Коростышева нас окружили. Засада. Недолгая перестрелка. Снова врасыпную,—теперь в лес. Нам соснами чертят свистящие дуги и рвутся снаряды. В кору деревьев и в мох, цокая, впилились пули. К сумеркам, потеряв шапку, ушел из под пугль.

Сутки без отдыха,—в лесах, в оврагах, на путаных тропинках. Догнали армию. С ней—уже приведенной в кокакой порядок, но неуклонно откатывающейся—десять долгих дней шоссе и по проселкам. Десять дней до Киева!

Что выморочный Мессмид с американскими консервами приключений... Этот шоссейный—не десятидневный, а трехлетний путь поражений и побед продал под пуглями весь Комсомол.

Когда пришли в Киев, он был пуст. Покончуте, кричали со стен плакаты. Мы погрузились на последний паровоз, уходивший вниз по Днепру. Это было первого мая.

Пеня.

Рисунок к плакату.

ОТ ПОДПОЛЯ К ДИКТАТУРЕ.

Социал-демократическая, большевистские и меньшевистские газеты с 1905 по 1913 годы. Внизу — станок большевистской организации и урочный печатный станок напольной типографии, на котором печатались подобные прокламации.

ДЕНЬ ПЕЧАТИ.

СТАТЬЯ С. ИНУЛОВА.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ тому назад на страницах «Правды» (тогда газета называлась «Путь Правды») появилось воззвание редакции, предлагавшей рабочим день основания газеты отпраздновать устройством «дня рабочей печати». Эта идея была очень живо воспринята рабочими массами. Меньшевики сначала растерялись и не знали, как реагировать на предложение «Правды», но вскоре ликвидаторская «Рабочая газета» лицемерно принарядилась к этой идее и повела на своих страницах агитацию за проведение дня рабочей печати сообща, — и большевистской «Правдой» и

меньшевистской — ликвидаторской газетой. Уже по этому одному орган большевиков не мог рассматривать день печати иначе, как широкую кампанию пропаганды идей революционной борьбы рабочего класса и против царского самодержавия и против разлагающего влияния ликвидаторства. В своем воззвании о дне печати редакция «Пути Правды» писала:

«Меньшевики тогда совершенно отказались от делегатской революционной работы. Они согласились работать в рамках закона самодержавия, разрушая тем самым дело рабочей революции. Вот почему их называют ликвидаторами.

«В этот день рабочие массы скажут, кому они сочувствуют: марксистам или ликвидаторам. День рабочей печати должен быть днем выбора своей линии — днем торжества марксизма против ликвидаторства».

День печати прошел в Ленинграде чрезвычайно оживленно. Он дал редакции «Правды» большое денежное подспорье — 20.000 руб. Для рабочей газеты, продававшейся по очень дешевой цене, совсем не имевшей объявлений, и обесценивальной бесконечными штрафами и гонениями царской полиции, была цена каждая поддержка, которую оказывали ей рабочие. Но еще более дорога была ей эта поддержка со стороны русских пролетариев потому, что она являла собой любовь рабочего класса к своей газете и большевистской партии. День печати в 1914 году был бурной демонстрацией этих симпатий рабочих масс к большевикам и ненависти к ликвидаторам. Приток средств в «железный фонд» «Правды» в день печати позволил редакции даже начать подумывать о собственной типографии. Но удачи для печати, являющейся царской полиции.

Успех «Правды» был вызван общим ростом революционного подъема среди рабочих масс. В 1914 году Правительство Николая Романова не могло не видеть той роли, которую играла в этом движении «Правда». Газета выступала среди рабочих масс в качестве мощного организатора движения против царского самодержавия. Каждый агент по распространению «Правды», каждый рабочий — подписчик газеты, каждый ее читатель был в то же время проводником правдивых идей и организатором рабочего класса вокруг лозунгов большевизма. Поэтому царское правительство и вело такую отчаянную борьбу против газеты, обрушившая на нее бесчисленными репрессиями — конфискациями, арестами и судебными преследованиями. А когда оно убедилось, что полицейские гонения не достигают цели, что редакция умудряется при поддержке рабочих распространять те номера газет, которые подлежали запрещению, что тираж «Правды» продолжает быстро расти и делается крупным революционизирующим фактором, — царское правительство решило газету закрыть совсем.

Это шаг полиции был сделан, однако, слишком поздно. Рабочие массы Ленинграда и других промышленных центров уже были готовы к новым боям с самодержавием, и бои уже начинались на улицах столицы, где рабочие стали слышно сокрушать баррикады. Вновь поднимавшаяся волна революции, несомненно, заставила бы монархический строй, свергла бы деспотический режим 3-июньской монархии и поставила бы русских пролетариев лицом к лицу перед буржуазией. Но разразившаяся империалистическая война сорвала революцию, и возможность возрождения пролетарской печати была отсрочена до 1917 года.

Но первые же дни победившей революции снова раздались могучие призывы старой «Правды», выступившей на борьбу против международной войны и за свержение буржуазии. В борьбе против капита-

лизма и его приказчиков—меньшевиков и эсеров—„Правда“ была не одинока. По всему лицу России появились большевистские газеты, которые беспощадно разоблачали предательскую сущность керенщины и подготавливали переход власти к рабочему классу.

Октябрьская революция отобалау буржуазии типографии, запасы бумаги и все усовершенствованные средства печатания газет. Рабочая печать стала единственной и безраздельно господствующей в нашем советском государстве. Она на всегда покончила с буржуазным обманом и лавандательством рабочего класса.

В годы гражданской войны наша печать достигла огромного развития.

Появились не только узедные но и волостные и отдельные заводские газеты. Количество газет, распространявшихся на заводах и деревнях доходило до трех миллионов ежедневно. И это несмотря на недостатки бумаги. Газеты стали достоянием исключительно рабочих и крестьян.

Трудящиеся массы стали не только читать газеты, но и писать. Сейчас уже выделился большой кадр рабочих, связанных с редакциями и корреспондирующих в газеты. Ныне поднимается и в деревне слой сельских корреспондентов. Число рабочих и сельских корреспондентов с каждым днем возрастает.

Растет и количество газет. В 1921 г. начался было процесс упадка нашей печати в связи с переходом к левый экономический политике. Число газет и их тиражи быстро сократились, и в августе 1922 года достигла небывалой малой цифры: газет 280, тираж 960.000 экз. Но в последующие месяцы рост газет и их читателей начинает снова быстро подниматься и в настоящее время к 10-летию дня печати достигли довоенных размеров. Общее число газет, выпускаемых и распространяющихся в один день, составляет 2.500.000 экз. На заводах и фабриках приходится одна газета на пять рабочих. В этом гом году, можно рассчитывать, удастся повысить тираж всех газет до пяти миллионов, то-есть тираж будет удвоен.

Как-же можно будет добиться такого большого тиража газет? В первую очередь, разумеется, за счет крестьянского читателя. Из двух с половиной миллионов газет в деревню идет не больше полумиллиона. Такое ничтожное количество газет в деревне не в состоянии бороться с темнотой, поповщиной, прѣ, вокацией и разными дикими слухами. Без газет невозможно создать крепкого союза между рабочим классом и крестьянством. Без газет в деревне невозможно привлечь крестьянство к участию в строительстве советского государства. На сто миллионов крестьянского населения пятьсот тысяч газет—это капля в море. Крестьянину надо дать дешую, понятную, пишущую о его нуждах и интересах газету. Уже имеются такие газеты. Следовательно, уже в этом году необходимо добиться, чтобы одна газета в деревне приходилась на 50 жителей. Этого достигнуть можно.

„Правда“ в 1913 году и после февральской революции с различными аэроложками вследствие прелюбований. Вверху—один из последних номеров „Правды“. Внизу—ротационная машина для печати большой газеты (100.000 экз. в час)

В новый год наша печать (советско-партийная печать) свой [год исчисляет с 6-го мая] вступает с лозунгом борьбы за крестьянского читателя и дальнейшего распространения печати среди рабочих. Довести тираж всех газет до пяти ми-

лионов—вот задача, которую должны поддерживать и проводить все сознательные рабочие и крестьяне, а рабочая молодежь в первую голову.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

ГАЗЕТУ „СМЕНЫ“

ЮНОШЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

ОЧЕРК Г. ЯРЦЕВА.
Снимки фот. П. Р. ЛАСС.

ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ революции 1917 г. рабочая молодежь России не имела своей печати. Не имела она и своей организации. Задача, стоявшая перед рабочей молодежью и взрослыми рабочими, была одна и та же—свергнуть гнет царизма и буржуазии. Лишь подпольные листовки «прокламации» и брошюры могли издавать партия большевиков.

Буржуазные дети имели много всякого рода журналов и книг: «Всякие «Светлячки», «Путеводные огоньки», «Маяк» и пр. и пр. с малых лет готовили их к службе «богу, царю и отечеству».

На долю рабочей молодежи доставались одуряющие выпуски приключений скихов—Пинкертонга и др., бульварные романчики и журнальчики.

Февральская революция обрушила гнилой фундамент царизма. Рабочая молодежь, вступив в открытую организованную борьбу с классом капиталистов, получила возможность организации своих союзов, тогда называвшихся—социалистическими.

Самые крепкие союзы имели свои журналы. В Ленинграде издавался— «Юный Пролетарий», в Москве— «Интернационал Молодежи», на Урале— «Юный Пролетарий Урала». Рабочая молодежь готовилась к решительному бою с русской буржуазией.

Октябрь разметал ключами купеческо-помещичью власть. Ее взял в свои руки в союзе с крестьянством пролетариат. Не стало никаких препятствий к созданию в помощь партия молодежной организации.

После стихийного роста организаций молодежи по России, был созван в октябре 1918 года Ленинградом и Москвой в Москве 1-й съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. Оформился ЦК РСМ. ЦК РСМ выпустил свой журнал «Юный Коммунист».

За ЦК потянулись местные организации. Начался массовый рост Комсомола. Возникло много журналов и газет Союза на местах.

Комсомол знал значение распространения своих мыслей через газеты, журналы, плакаты и листовки. Он захватил в свои руки монополию на проведение политико-воспитательной работы среди молодежи и через печать.

Во время гражданской войны, — в 1918, 19 и 20 г. г., юношеская печать провела огромную работу. Она звала всю рабоче-крестьянскую молодежь в ряды Комсомола, она кричала о помощи фронту, строила в мотушке ряды тысяч добровольцев—юношей, напоминала об усилении тыловой работе—все на фронт труда!

Свою задачу в то время юношеская печать выполняла с честью. Если не было самостоятельной газеты, так выпускались «странички красной молодежи» в местных советско-партийных газетах. Газет комсомольских было сотни, «страничек»—тысячи. Оберточный бумага, с грязным керосином вместо краски, сделала свое дело.

В 1920 г. почти каждый уездный комитет Комсомола, не говоря уже о Губкоме, хотел иметь свою газету, больше—свое издательство.

Один из укомов союза в Рязанской губернии, где работал пишущий эти строки, выпускал массу листовок и брошюр. Были выпущены программа и устав, книжка Леонтьева и др. Когда из деревни приезжал парень—секретарь какой-либо ячейки, мы нагружали его сполна союзной литературой. Обходились без ЦК, который присылал литературу очень редко.

Губком так же почти ничего в то время не издавал. Даже губернская газета «Голос Красной Молодежи» прекратила благополучно свою жизнь.

Что же? Дашь свою газету! Кстати, и Уком партии подумывал о своей газете. Сказано—сделано. После недолгой подготовки появились две газеты: «Власть Труда» и «Юная рать». «Юная рать» выходила, насколько помню, около девяти месяцев. Нэн прихлопнул ее.

Нэн прихлопнул не только эту уездную газету. 1921 год—принес медленное удешевление не только уездным, но и губернным газетам ЦК РСМ. Пришлось забыть комитетам о «своих» издательствах.

Нэн пожал жатву всех уездных комсомольских газет, всех их он вывел на-чисто. Закрыватели редакции губернских газет, заботили по Губкомам партии и по Губисполкомам. Только их помощью поддерживалась в 1921 году и первой половине 1922 г. жизнь немногих уцелевших, выдержавших экзамен нэпа, губернских газет КСМ.

Союз укрепился на занятых им позициях в переходный период к новой экономической политике. Закрепившись,—перешел в наступление, начал расширять рамки работы, усилил воспитательную работу. Вновь зашумели клубы и кружки. Подняла голову и юношеская печать, сократившаяся к октябрю 1922 года до 45 газет и 10-ти журналов.

Юношеская печать тоже пошла на подъем,—в наступление. Наступление это

КОМСОМОЛЬСКИЕ ГАЗЕТЫ.

(Внизу)—Голова тов. Ярцева—
Зав. Прессбюро отдела печати
ЦК РСМ.

имело целью—привлечь читателя—рабочего члена Союза и беспартийную молодежь к своим газетам и журналам. Нужно было иметь уже не только читателей,—но больше,—подписчиков. Нужно было иметь средства для выпуска газеты.

Этот шаг оказался вполне верным. В 1920 году в журнале «Юный коммунист» один комсомольский работник мечтал о том, чтобы закрыть все газеты Союза по России и создать их всех одну,—в Москве. Он сулил ей выход в количестве 25.000 экземпляров.

Действительность показала: насколько мизерна была эта мечта. Сейчас по всему Союзу Советских Республик выходит ежедневно свыше трехсот тысяч экземпляров газет ЦК РСМ. Комсомол СССР имеет не только русские, но и украинские, татарские, грузинские, армянские, еврейские, польские, белорусские и др. газеты. Последние цифры,—на 1-е апреля,—показывают, что комсомол имеет свыше 50-ти газет и 20-ти журналов. Наш Союз издаст так же детские журналы и газеты, («Пионер» и «Барaban» в Москве.

Одними газетами Комсомол сейчас удовлетворится не может. Нужны книги и брошюры. В Москве и в крупных областных центрах около полутора года работают комсомольские издательства, возглавляющиеся издательством ЦК РСМ, «Молодая гвардия». Комсомольским издательствам, которые должны обслуживать не только политический Союз, но и всю массу рабоче-крестьянской молодежи, нужно еще много работать для того,

ТОЛЬКО ОДИН МОМЕНТ...

СТАТЬЯ РУДНЕВА-РАЗИНА.

ХОРОША хваленая гибкость американского журналиста, когда к его услугам все, начиная с самопишущего пера, бензонакрашенного маяжета, автомобиля и кончая радио.

А вот работа — во вшивой рубашке, с голодным метрапжажем, истощенными наборщиками, бесбуажным центробумом, волокотой, недоверием, насмешками!!!.

И только лишь одной реальной ценностью: ордером Губпрома на 8 фунтов колбасы...

Самара. Осень 1919 года. Тифозная вошь осаждает комсомольскую организацию. Целые ячейки переносятся с предприятий на большие койки.

Член бюро губкомла, Марус Александрова, больная лежит на губкомовском столе, покрытая рваной шинелью. Больницы и санпоезд больше не принимают...

В углу, недавно вышедший из больницы комсомолец очищает почерневшую от долгой работы собственную ручку* от внутренних врагов.

Осенние листья Струковского сада кружатся в воздухе. Мокрые они летяют об окно. Клуб, летнее помещение Струковского — сада, холодно...

... Как казалось бы — все условия классическим образом сочетались для того, чтобы уларить по клавишам запыленного рояля и заиграть какой-либо умный, безнадельно-тоскливый мотив...

... За рояль мы влезлись. Но не для исполнения упаднических романсов. Нам просто надо было сесть на него, на крышку рояля. Больше негде было сесть члену бюро губкомла. Полезли и уместились. С смехом, гамом, толкотней.

Повестка дня заседания бюро губкомла была очень важной. Мы ставили на очередь вопрос о создании комсомольской газеты.

— Вопрос назрел, ребята, вполне. Объективные условия налицо. Лучшего момента быть не может. Губсезд проведен. На Всероссийском бываеали, — ну и пора влезть за газетку.

Слова «старейшего» самарского комсомольца Володьки Филиппова были вполне резонны. Объективные условия, сравнительно, сложились великолепно. За газетку надо влезть. Но как.

Долго спорили. Каждый вносил свой план, свои предложения. Наконец, избрали редакционную коллегию во главе с ответственным редактором. Портфель этот в нашем губкомольском министерстве был поручен мне. Тут же решили газету назвать: «Поволжский юный коммунист».

КОМСОМОЛЬСКИЕ ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

чтобы удовлетворять все потребности Союза. Но и здесь, несмотря на частые перебои, есть ряд успехов.

На I-ом Всероссийском съезде РКСМ, в 1918 году только мечтали о литературно-художественном и научно-популярном журнале для рабочей молодежи. На шестом году существования Комсомола эта мечта сделалась действительностью. Рабочая молодежь СССР имеет свой двухнедельный журнал — «Смену».

Печать Комсомола совершенно непохожа на печать молодежи буржуазных стран. Там готовят журнал для молодежи, у нас свою печать молодежи создает сама. Наша печать имеет свои основные задачи — готовить из молодежи коммунистов, идти по стопам Ленина.

Растет Комсомол, растут его газеты, журналы и издательства. Размножаются тысячи стених газет рабоче-крестьянские молодежи на предприятиях, в деревне. Увеличивается число создающих свои газеты — юных корреспондентов.

В конечном счете попошская печать добьется того, что ее будут читать все молодые рабочие и крестьяне СССР.

... Первые на Волге наладим газетку* — с энтузиазмом восклицала Колька Мешеряков, которому мы поручили фактически львиную долю организационной подготовки выпуска газет.

... Пили сомнительный кофе и с еще более сомнительным сахаром спекулянтперса, и все говорили о газете. Мне и Кольке Мешерякову изрядно помяли колба, мотивировкой было; «потому, как вы ред. коллегия».

Необходима санкция губларкома. С этого надо начать. В четверг заседание. Приходим на него я и Володька Филиппов.

— Ну, из Губкома Комсомола докладывайте.

Филиппов рассказывает о постановлении Бюро Губкомла. Ежедневная газета... Губернский орган... Назрела необходимость...

— А писать, то кто из вас может? Такую ересь накаетаете, что потом только держись!... Сразу внушительной порцией холодной воды окатил нас тов. Хатаевич, член Бюро Губларкома.

Заранее готового ответа на такой вопрос мы не имеем. Никто из нас особого писательского прошлого не имел. Мне, правда, приходилось, писать письма, протоколы. Имя же мое печаталось преимущественно в отделе извещений, — тутом на четвертой странице.

... В данном случае ехидный вопрос Хатаевича подразумевал нечто большее. Был у нас еще один вполне успешный тот, опять таки, писательственно завлеченный в... Гортребурдые Филиппов выпалил:

— Из членов Бюро Губкомла у нас на этот счет спец Рузнев... Он-то писать мастер. Вы, наверное, читали наши протоколы? Это он все. На этот счет можете не беспокоиться.

Я почувствовал небольшое кружение головы, легкую тошноту и сильную тягу на улицу: на меня обратились с улыбаками сразу несколько взоров.

... — Выписка за №... Бюро Губларкмата. Предложение Губкомсомола отклонить...

Я решительно обвинял Володьку Филиппова. Если так защищать наши предложения — провал обеспечен. И затем, какая блестящая характеристика мене, как ответственного редактора: «пишет протоколы»!!.

... В Губкомне назрела большого масштаба склока... Предвидя ее, с наслаждением потягивались отдельные ребята...

— Ити к тов. Самойловой!! Покойная Конкордия Самойлова редактировала в то время Самарскую «Коммуну». Из всех партийцев она была наиболее популярна среди самарской молодежи.

В маленькой комнатке, заваленной книгами, нас встретила Самойлова. Вол-

нуясь, я начал свою речь, — и... получилась она в сто крат хуже, чем речь Филиппова.

Но ушли мы от тов. Самойловой бодрые и уверенные. Она обещала поддержку. Вопрос снова поставлен на Бюро Губпарткомма. Получили санкцию.

... Часть ребят приуныла. Возможность склюки снова исчезала.

Началась эпоха отношений.

1) В Губиздат. Самарский Губпартком просит оказать содействие Губкомму... выдать бумагу...

2) В Самарский Губком. Губиздат сообщает, что... бумаги нет...

3) В Губиздат. Губпартком снова просит приложить все усилия...

4) В Губсовнархоз. Губиздат просит... из фонда удовлетворить бумагой Губкома...

5) Уполн. Главбума. Губсовнархоз просит не отказывать Губкомму...

6) Губсовнархоз. Уполномоченный Главбума извещает... сверт выданных бумаг нельзя...

7) Уполн. Главбума. Губком Комсомола резиня, на основании постановления своих съездов... просит Вас не отказыв... ибо... работа затормозится...

8) В Губком РКСМ. Дорогие товарищи, для молодежи я всегда готов на все. Но в данном случае... К большому огорчению... с товарищеским приветом уполномоченный Главбума (подпись).

9) Уполн. Главбума. Губпартком просит Вас принять все меры...

10) В Губпартком. Канцелярия Уполномоченного Главбума извещает о уже имеющихся резолюциях уполномоченного Главбума...

11) Уполн. Главбума. Губисполком просит бумагу, предназначенную для печатания отчетов Губисполкома, отпустить Губисполкому...

12) Президиуму Губисполкома. Уполномоченный Главбума считает необходимым довести до Вашего сведения, что другой бумагой... для отчетов не будет.

13) Уполн. Главбума. Личная записка. Не беспокойтесь. С приветом Президиумисполкома А. Гаврилюков.

14. Заяв. складом. Отпустить четыре пуда из фонда Губисполкома.

15) Уполн. Главбума. Заяв. складом. Лодки в сведения... что указанный фонд истрачен на срочные пуды Губисполкома.

В течение суток надо... собрать материал для газет... Писали в сырых холодных комнатах губсовпарткомма. Собралось человек восемь: больше ребят, кое-какие писавших и имевших к делу...

Писания хотя-бы самое косвенное отношение, не набралось.

Распределение роли: кому — хроника, кому кусочек передовой. Мне по штату целую статью.

Казалось бы пока что все распределено по ту, оказалась, загвоздка. И загвоздка грозных размеров. Стихотворение!...

Его-то кто напишет? Где видано — губернский орган и без стихов. Нет, это невозможно!!...

Каждый из собравшихся отказывался писать стихотворение:

Поставили на совесть каждому сопострадать хоть маленький стишок...

... Ночь писали. Покрылась ледяной коркой гниусая бурда, которую нам прищипали для шамовки совпартишкольцы.

А доб Кольки Мешерякова был мокрый от пота.

Передовая была написана коллективно.

В 6 часов утра мы все направили под два одеяла, поверх наложив для «теплоты» кучу переплетов и газет. А в 7 меня уже будил Колька Мешеряков — весь красный от смущения:

... Я, Руден, того... ну что-ли, вроде как стихотворение написал. Почитать бы что-ли... может нигде не годится?

Первая коммюнистская газета Поволжья...

Близится самый ответственный момент. В Полиграфоделе нас предупредили: рабочие загружены работой, жалованья не получают, настроение скверное, — с ними вам придется еще много и много канителиться.

Но тут-то мы были уверены. Был строго-обдуманный... «железобетонный» план.

Его проведению в жизнь оказал громадное содействие Самарский губ. продкомиссар Константин Гаврилович Мясков.

Благодаря ему мы получили в Г.Е.П.О. восемь фунтов колбасы. Это создавало подлинную «железобетонность» в нашем плане.

Хлеб и сахар притащили ребята и со всем продовольствием двинулись к концу вечерней работы в типографию.

— Комсомол просит всех рабочих явиться в контору. Шамовка только держись.

Рабочий подросток Мишка с этим возгласом бежал всех рабочих.

... А в конторе, на столе, покрытом газетками, величественно красовалась, изящно нарезанная колбаса.

Ответственным руководителем всей гастрономической процессии был назначена Маруся Старшова. Она на этот счет была необыкновенно талантлива. Под ее руководством мы были покойны: никто у нас в порыве увлечения не слопает больше положенного.

Колька Мешеряков должен был быть организовать «смычку». Его первая вступительная речь должна была начать эту смычку...

... План ударен на славу. Метранпаж, славный старикен в очках, — предельно-большим количеством предметов: зажатой проволочкой, шпательком и полдорзгальными кусочком ваты, — распарившись чаем, жал нам всем руку и уверял:

— С такими ребятами жить можно не пропадешь...

На следующий день слез в больницу Колька Мешеряков, больше всех поработавший над выходом первого номера. — Но последнее время буквально горел над этой работой.

Выяснилось, что в больницу ему надо было лечь несколько дней назад, но силой воли, несмотря на повышенную температуру, он держался.

На грязной больничной койке, с горячим лбом лежал в сыпихе милый Колька.

В бреду мы слышали слова: — Метранпаж... я забыл гранку...

На первое свидание с выздоравливающим Колькой мы шли с только-что полученными гранками второго номера. Не в силах брать их руками, он улыбался изумительно простой ласковой улыбкой.

... Колька Мешеряков, сын Маршанского старья, Владимира Мешерякова, расстрелянного Колчаком в Челябинске, — был два раза ранен. Два раза был в плену. На продработе выделялся особой властью и настойчивостью.

Казалось бы, откуда к этому закорючлому парнишке такая трогательная нежность и любовь к гранкам, к печатному слову?

Дегенераты эмигрантской журналистики считают это ведь своей монополюй принадлежностью...

Рабочая, крестьянская молодежь бралась за перо, осаждаемая голодом, вошью, герцамазья гражданской войной.

И не в этом ли лучший показатель того, что комсомольская печать растет из самых недр трудового молодика, переплетаясь с корнями его бытия и жизни, идя влечь вместе с его ростом и достижениями?

О ПОПОВСКОМ ОБМАНЕ

и грешных комсомольцах.

СТАТЬЯ ВЛ. КУЗЬМИНА.

Предпасхальные дни. По церковному календарю—Страстная неделя. Это самая торжественная неделя перед воскресением Христа. Обыкновенно, все христиане в Великий пост причащаются, дабы; встретить пасху во всеоружии безгрешности и невинности. Правда, эта безгрешность приобретает странным путем: христиане всей России в Великий пост съедают сто тысяч пудов „христовой плоти“ со всей содержащейся в ней кровью, в знак очищения себя от великой скверны.

Читатель поднимает брови: что за страшная математика? Спешу разяснить. Церковь „стремится в своих богослужебных инсценировать всевозможные сказки из жизни Христа

БОГИ СТАРОГО И НОВОГО МИРА.

(ВВЕРХУ). Каропанасами (индийское божество) и Иисус Христос—месяца христиан.

(СЛЕВА—НАПРАВО). Вавилонский спаситель Мардук, Гермес-бог и покровитель торговцев Древней Греции. Раимон—повелитель грома и бури, и Финляндский торнадоветовый владыка.

(ВНИЗУ). Светлая Иккициция борется с змеею: вопрос ермика на столе с гловидны (эравра XV века).

ХРИСТОС воскрес!—„звонят колокола.

Христос воскрес!—„люют ружья и птички. Христос воскрес!—„шумит лес. Словом, на пасху все, начиная от солнечных лучей и кончая плавающей в весенней душешкой, всемогущим пером старорежимного бюрократизма, мобилизовалось на служение пасхи.

Разыгрывалась пасхальная комедия глубоко-нравственного содержания. При этом в качестве идейной бутафории выставлялись лозунги, написанные с больших букв: Братство, Общечеловечность, Справедливость, Нравственность. Эту же задачу пасхальной бутафории выполняли и всевозможные лакомства: пасхи, кудичи, красные яйца, поцелуи и проч.

Войей революции смиты ружья и краски с разряженных в белоснежные одеяния божественных фокусников—священников. Разоблачены причудливые перковые декорации. Закулись религия, церкви и ее праздники открылись во всей нагоде.

(не существовавшего), которые выдумывались много веков тому назад. Причащение—есть инсценировка того момента, когда Христос на тайной вечери якобы раздавал своим ученикам хлеб и вино под видом своей плоти и крови.

Современный фокусник в расе берет обыкновенную просфору и красное вино и объявляет церковной публике—сие превратится в истинную плоть и кровь того самого Христа, которого распяли на кресте. Конечно, с точки зрения здравого человека, просфора и вино остаются тем, чем они есть. Но для христианина—они претерпевают чудесное превращение. Чтобы легче представить себе это превращение, в помощь фантазии христианина существуют всевозможные легенды из жизни святых и других священников.

Так, в Житии Святых существует рассказ об одном живодуне. Он своими собственными глазами узред, как свидетель Василий Великий держал в руках отрока Христа, раздробляя его священным копыем, подобием того копыя, каким был пробит мифический Христос, и раздавал причащающе-

муса народу кому большой палец от ноги бедного отрока, кому востовую косточку, кому простаю чистую годлицу.

Стало-быть математика ясно в каждой церкви за одно причастие с'едает одного отрока, каждый, несмотря на всю спящность, вносит не меньше 2-х пудов, церквей в России больше 50,000. Следовательно, христиане кушают в Великий пост 50,000 человекоподобных отроков. Это значит, что если бы этими отроками был грешине комсомольцы, христиане в течение 8 лет с'ели бы весь комсомол.

Однако, Христос, в отличие от комсомольцев, по уверению церкви, всегда остается целым и нераздельным. И сколько бы его не ели христиане, однако, с'есть не смогут до скончания века и самого Христа.

Напитавшись христианскими отроками, верующие находятся в великопленном настроении. По уверению церкви, они освобождаются от всякой нечести и, буквально, второй раз рождаются на свет.

О нахо, т. Семашко говорит обратное. Он однажды подсчитал, что значительный процент заражений венерическими болезнями вислопалым путем накопляется через христианские обряды: причащение и пасхальные поедулы, когда любой сифилитик-христианин, скрываящий свою болезнь, стоит пред трауной дилеммой: либо игнорировать христианский обряд причащения и поедулы—тогда прослыть за ерника, либо отказать тогда христианскому обычаю, но наградить своих ближних, которых он любит больше самого себя, пасхальным подарком венерическо-го содержания.

Обыкновенно, в честь воскресения Христа, христиане все праздник проводят в пасхальной пьяной вакханалии.

Плохой тот христианин, который не ставит на стол перед гостями бутылку. В городах и деревнях, особенно до революции, всю Пасху раздаются душееспасительные колокольные благовест по благочестивый аккомпанемент бутылочного перезвона.

В 1903 году в Москве в Пресненском участке потребление вина в год на душу доходило до четырех с лишним ведер. И особенно большое количество потреблялось в дни святой пасхи. Дрвн, побища, убийства, преступления особенно развлекались в пасхальные дни блаженно-го ничтогоседелания, поощряемого царем.

Индусский бог Брами.

Не только плечики и ручки славляли воскресение Христа, но и разбойники, преступники, драгуны и прочий подзорительный элемент засучивали рукава и то же кричали—Христос Воскресе!

Духовный разврат по славу господствующих классов, распространение сифилиса и всевозможных заразных болезней, пьянство и безобразия, колоссальная нажива рыцарей обмана и безобразия—священников—таковы записки святой Пасхи, которую славляли и продолжают славить те, кому она приносит пользу.

К счастью, революция заставляет

ГРАЖДАНИН ЛЯШКИН

И КАЛЕНДАРЬ ЦЕНТРОСОЮЗА.

Рассказ РАХИЛЛО.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Жив. Товарищество Ляшкин готовится встретить Пасху. Куаны был ушван, но нати в церковь было еще рано. Ляшкин сидел перед зеркалом и свилася сделать «оухотворенное выражение». Неожиданно лицо в зеркале приняло неустойчивый вид. Ляшкин ушелся на лбу, возмел виска—вошь. Маленькую белую вошь. Ляшкин испугался.

— Хорошо, что заметил, а если-б в церкви где? Такimoto спикометривать, что уи-юи. И такая маленькая! Покладуй, вошь гораздо более бахли—подумал Ляшкин.

Разудюк-пасхальные настроение было испорчено. Ему начинало казаться, что его что-то кусает между лопатками, за руку, за живот и он зря чесался.

К половине первого Ляшкин двинулся в бутылку хотел придти порванные, чтоб захватить лучшее место.

На улице он недоуменно уставился на трамвай.

— Рабочая власть вызывается? Защита трудящихся. Ха... и почему бы не дать в такой праздник отахнути нагопоявляемт и кондукторам? Безбожники, прости господа!

До церкви Николая на Кукиных, где Ляшкин был знаком священнику, было верста две: решил сесть на трамвай.

На остановке его долго толкали и тискали. Автомобль даже чуть не задался. Наконец, он влез в вагон.

— Ссаушайте, гражданин, будьте поосторожней! Но куаны был помят.

Ха. Пролезая в вагон, И, прищипываясь, заняла место.

Фу! прости господа! Ну и пубанка! Итак: приходу ровно в час, место займу проперти, а когда отец Георгий вылезет—поедулю ручку!—размыслил Ляшкин.

Публика странно косилась на куаны.

Коммунисты все!—определил Ляшкин.

Квадрато дама очень пристально смотрела на него. Ему показалось: с тронией. Сразу зачесалось в голове, между доплатками, на животе и во всему телу. Потекло из носа. Но чистый платок он забыл дома; в кармане лежал грязный, убогий поргирин. Неудно, будто поправляя куаны, махнул носом о салфетку.

Вши кусали. А дама упорно не спускала глаз.

Церковь была на самом конце остановки трамвая. И Ляшкин с нетерпением ожидал фразы:

— Церковь Николая на Кукиных. Гражданин, копейки станин.

Наконец, доехала, хотя кондуктор ничего не сказал. Ляшкин раздалительно заметил:

— Опешать нужно всегда!—И выплез из вагона.

Через секунду, вол как босноватый, он ворвался в вагон:

Пасху считать свои последние дни. Свергнути господствующие классы, которым служила церковь.

Церковники, сняты с государственного котла, лишены своих богатств. С каждым днем у них утекает паства, как вода из решета.

И Христос—до ныне—знамя обманутих трудящихся, под которым их стригли и брили, доживает свои последние дни на комсомольской сцене и сценах рабочих клубов в качестве разоблачителя самого себя.

И комсомольцы не становятся перед ним на колени, а хохочут от души над ветхим могоканом старого мира.

— Это возмутительно! Это безобразия! Жаловаться буду! Я—председатель!

Ляшкин приехал в прогнотоложний конец линии.

Должик спрашивать каждого, куда ему нужно ехать, черт возьми, прости господа!

Кондуктор испуганно смотрел на свирепого пассажира.

— Сами должны это знать, тем более, как вы—председатель. А мы этого не обязаны. По инструкции даме.

Обратно трамвай не шел: был час ночи.

— Вот, дармоед, прости господа!—возмутился Ляшкин. «Скоты!»

Пришлось идти пешком.

— Прощастий!—ругался дорогой.

Настроение было испорчено совсем. Шел уставил и размыслил. Ноги нали, как у больного. Хотел нажать кнопку, а тот:

— Ты рубля, гражданин!

— Что ты сорвался, отец!—испугался Ляшкин!

— Чего-ж сорвался—перст сем, чай, будет. Едем, что ли?

И пер пешком обижений, возмущенный до груди, гражданин Ляшкин, председатель жкл, товарищества.

На бульваре пристада помазанный барышня.

— С куанчик, котик!.. Немоло, разговеем!

— Идй ты к черту, прости господа!—ответил председатель.

— Котик! А котикую вошь тебе верст нужно вилить. Свояком!

Котик, испокон, он досел в церковь, то угрюмо уставился на амвон: там игра балабасный оркестр.

— Свят, свят, свят,—испуганно зашептал Ляшкин,—уж не с'ула ли скожу, или сон это?

Он свирепе начал шипать себя за нос, за уши. Балабасничая с амвоном уставился на него и, гуаво захлопав.

Ляшкин, ухватив куаны, как беззубый, помялся домой.

На углу его заметил милиционер. Хотел остановить, но Ляшкин не слышал. Бежал и бежал. Дырка в свисток, милиционер гнался за ним до самого дома.

На леснике Ляшкин упал и размыслившись явными выпалка себе все лицо и костюм.

Только утром, в больнице выяснилось, что:

Гражданин Ляшкин, председатель жкл, товарищества, № 1441, из жолел горничной, жолел предводитель Пасху во календарю Центросоюза, по которому она приходится на 20-е число. А доканало его передали в комсомольский клуб.

А кондуктор спрашивать теперь каждого:

— Вым в какую сторону ехать?

Пассажиры возмущаются.

ТАЙНА ЛХАССЫ.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА МОНГОМЕРИ МАК-ГОВЕРНА.

Общий вид Пампа-Пяона.

XVIII. НАЧИНАЕТСЯ МОЯ НОВАЯ РОЛЬ.

В ЭТУ НОЧЬ я поведал весь мой план моим людям. До его времени они не знали о моем намерении попасть в Тибет.

Я им сказал, что моя цель не только Тибет, но, главным образом, Лхасса, и что для достижения этого я должен идти передетым. Каждому из них я подробно объяснил его роль и настаивал на том, чтобы каждый тщательно ее выполнял. Из багажа я вынул великолепный костюм, который носит знатные сиккимцы и торжественно подарил его Сатане. С этого момента он должен был быть господином—сиккимским помещиком, идущим на богомолье в Лхассу, а мы все—его свитой. Остальные слуги должны были продолжать нести свои обычные обязанности, и лишь я был разжалован в помощники Латену, на должность повара и судомойки. Я должен сказать, что все слуги стали осуществлять проект с величайшим удовольствием. Они смотрели на это, как на игру, а опасность, которой мы подвергались при обнаружении передевания, мало волновала их слабые умы.

Настоящее и полное передевание я проделал на следующий день (31 ян-

варя); оно было чрезвычайно мучительно. Мои волосы были уже выкрашены, надо было сделать лишь несколько заключительных штрихов, но чтобы окрасить все мое тело, я должен был стоять голым на утреннем ледяном ветру, в то время, как Латен покрывал меня с ног до головы составом из ореха и иодина. Я находил необходимым покрасить все мое тело, а не только обычно видимые его части, ибо было возможно ожидать в пути полного медицинского исследования.

Наконец, дело дошло до трудной работы с моими глазами, по тому, что голубой цвет моих глаз был самым слабым местом всего передевания. Для этого я имел два средства. Во-первых, лимонный сок, который я впустил в глаза, несмотря на острую боль и сильное раздражение слизистой оболочки; от них врачки временно потемнели. Засим свои воспаленные и потемневшие глаза я закрыл дымчатыми очками и положил большой запас клея под ресницы, чтобы иметь вид создаваемого этим обычного страдания глаз. Ближайшая следующая задача была свернуть все мое европейское одеяние и другие уличающие предметы и спрятать их в углубление скалы на удивление того человека, который может на них наткнуться.

XIX. ОПАСНОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ.

Мы выступили дальше.—Через 8 миль длинный исток привел нас в первое тибетское поселение. Любопытно, что в деревушке мы встретили двух людей, которые хотели перейти перевал в обратном направлении несколько дней тому назад и были принуждены вернуться. Один из этих людей от омерозения умирает; по соседству с деревней был воинский пост. Летом, когда проход открыт, здесь находятся также и чиновники, которые осматривают всех проходящих, но на зиму, когда всякое движение между Сиккимом и Тибетом прекращается, чиновники эти ушли в замок Кама-Дюнго, на несколько миль дальше. Я очень опасался, что при входе в деревню ктонибудь откроет меня, но, очевидно, все было в порядке, и на нас не обратили внимания.

Мне очень хотелось отправиться в Кама-Дюнго сейчас же и, после короткого отдыха, мы двинулись дальше; не доходя 4 миль до города, я опять остановился. Кама-Дюнго официальный центр этой части Тибета. Здесь имеют местопребывание два губернатора и все подчиненные им власти.

От них я мог ожидать всякого безпокойства. Несмотря на улачу в де-

муса народу кому большой палец от него бедного отрока, кому носовую косточку, кому просто чашиду ягодища.

Стало-быть математика ясна: в каждой церкви за одно причастие с'едают одного отрока, каждый, несмотря на всю священность, весит не меньше 2-х пудов, церквей в России больше 50,000. Следовательно, христиане кушают в Великой пост 50,000 человекоподобных отроков. Это значит, что если бы этими отроками был грешнее комсомольцы, христиане в течение 8 лет с'ели бы весь комсомол.

Однако, Христос, в отличие от комсомольцев, по уверению церкви, всегда остается целым и нераздельным. И сколько бы его не ели христиане, однако, с'есть не смогут до окончания века и самого Христа.

Напитавшись христианскими отроками, верующие находятся в великомолном настроении. По уверению церкви, они освобождаются от всякой нечисти и, буквально, второй раз рождаются на свет.

Однако, т. Семашко говорит обратное. Он однажды подсчитал, что значительный процент заражений венерическими болезнями веполовым путем накладывается через христианские обряды: причащение и пасхальные поцелуи, когда любой сифилитик-христианин, скрывающий свою болезнь, стоит пред трудной дилеммой: либо игнорировать христианский обряд причащения и поцелуя—тогда прослыть за еретика, либо отдать дань христианскому обычаю, но направить своих близких, которых он любит больше самого себя, пасхальным подарком венерическо-содержания.

Обыкновенно, в честь воскресения Христа, христиане весь праздник проводят в пасхальной пьяной вакхандали.

Плохой тот христианин, который не ставит на стол перед гостями бутылку. В городах и деревнях, особенно до революции, всю Пасху раздается душе-спасительный колокольный благовест под благоочестивый аккомпанемент бутылочного перезвона.

В 1903 году в Москве в Пресненском участке потребление вина в год на душу доходило до четырех с лишним ведер. И особенно большое количество потреблялось в дни святой пасхи. Драки, побоища, убийства, преступления особенно развильались в пасхальные дни блаженно-го нячегонеделания, поощряемого царем.

Ииусовский бог Врима.

Не только птички и ручки славили воскресение Христа, но и разбойники, преступники, драгуны и прочий позорительный элемент засучивали рукава и то же кричали:—Христос Воскресе!

Духовный разврат по славу господствующего классов, распространение сифилиса и всевозможных заразных болезней, пьянство и безобразия, колоссальная нажива рикашей обмана и безобразия—священников—таковы закулись святой Пасхи, которую славили и продолжают славить те, кому она приносит пользу.

К счастью, революция заставляет

ГРАЖДАНИН ЛЯШКИН

И КАЛЕНДАРЬ ЦЕНТРОСОЮЗА.

Рассказ РАХИЛЛО.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Жил. Товарищества Ляшкин готовился встречать Пасху. Кулач был уван, но идти в первый раз было еще рано. Ляшкин сидел перед зеркалом и старался сделать «духотворенное выражение». Неожиданно лицо в зеркале приняло испуганный вид: Ляшкин увидел на лбу, вошь итак же! Маленькую бездельную вошь. Ляшкин испугался.

— Хорошо, что заметил, а если-и в церкви где? Так может спометрироваться, что уи-и-и! И такли малявками! Пожалуй, вошь гораздо хуже баки—подума Ляшкин!

Радушно-пасхальное настроение было испорчено. Ему неучудно казалось, что его что-то кусает между лопатками, за руку, за живот и он зря чесался.

К полевому первого Ляшкин двинулся в путь: хотел приди порывнее, чтоб захватить лучшее место.

На улице он недоуможен устался на трамвай.

— Рабочая власть называется? Защита трудящихся. Ха!... и почему бы не дать в такой праздник отдохнуть вагоножаткам и кондукторам! Безобразно, прости господи!

До церкви Николая на Кукишках, где Ляшкин был знаком священника, было версты две: решил сесть на трамвай.

На остановке его долго толкали и тискали. Автомобиль даже чуть не застрял. Наконец, он влез в вагон.

— Слушайте, граждане, будьте поосторожней! Не кулач был помит.

Ехал. Прелезя в вагон. И, приснапшился, занял место.

Фу! прости господи! Ну и публика! Игас! приеду ровно в час, место займу против лавочки, в колда отец Георгий выйдет—поцелую ручку!—размыслил Ляшкин.

Публика странно косилась на кулача.

— Коммунисты все!—определил Ляшкин.

Какая-то дама очень пристально смотрела на него. Ему показалось: с проиной. Сразу зачесалось в голове, между лопатками, на животе и по всему телу. Потекло на волос. Но чистый платок он забыл дома; в кармане лежал гризний, хмуле портянки. Неудово, будто поправляя кулач, махнул носом о салфетку.

Били кулаки. А дама упорно не спускала глаз. Церковь была на своем конце остановки трамвая.

— Церковь Николая на Кукишках. Граждане, конче станции.

Наконец, доехали, хотя кондуктор ничего не сказал. Ляшкин назидательно заметил:

— Оповещать нужно всегда!—И выплез из вагона.

Через секунду, вой как бесноватый, он ворвался в вагон:

Пасху считать свои последние дни. Свертнуты господствующее классы, которым служила церковь.

Церковники, сняты с государственного колта, лишены своих богатств. С каждым днем у них утекает паства, как вода из решета.

И Христос—до ныне—зная обранных трудящихся, под которых ии стригили и брили, доживает свои последние дни на комсомольской сцене и сценях рабочих клубов в качестве разоблачителя самого себя.

И комсомольцы не становятся перед ним на колени, а хохочут от души над ветхим могианом старого мира.

— Это возмутительно! Это безобразно! Жаловаться буду! Я—председатель!

Ляшкин приехал в противнообщий конец дня.

Должны спрашивать какого-кузума ему нужно ехать, черт возьми, прости господи!

Кондуктор испуганно смотрел на свирепого пассажира.

— Сами должны это знать, тем более, как вы—председатель. А мы этого не обязаны. По инструкции давай...

Обратно трамван не шли: был час ночи.

— Вот, даромсы, прости господи!—возмутился Ляшкин. «Сюды!»

Пришлось идти пешком.

— Провокатор!—ругался дорогой.

Настроение было сгорючено совсем. Шел усталый и размытый. Ноги плали, как у больного. Хотел пить, выжидать, а тот:

— Тон рубль, гражданин!

— Что ты сорвался, отец!—испугался Ляшкин!

— Чего-ж сорвался—верст семь, чай, будет. Едем, что-и-и!

И пер пешком объяснил, возмущенный до глубины, гражданин Ляшкин, председатель жила товарищества...

На бульваре пристала намыленная барышня.

— С кулачем, котик? Поидем, разговеем!

— Иди ты к черту, прости господи!—ответил председатель.

— Котик? А котку вот десять верст нужно пить. Салоу-и-и!

Когда, наконец, он вошел в церковь, то угрюмо устался на алтарь: там играл балалаечный оркестр.

— Свят, свят, свят,—испуганно зашептал Ляшкин.—уж не с'узма ни скоху, ни си это?

Он свирепо начал шипать себя за нос, за уши.

Балалаечники с алтаря устались на него и, гудко захохотали.

Ляшкин, ухватив кулач, как безумный, помчался домой.

На углу его заметил милиционер. Хотел остановить, но Ляшкин не слышал. Бежал и бежал. Дырки в свисток, милиционер гнался за ним до самого дома.

На лестнице Ляшкин устал и разбившимися явными выпачка себе все лицо и котом.

Только утром, в большике выяснилось, что:

Гражданин Ляшкин, председатель жила товарищества, № 1441, зах'езел готочной, желал поздравить Пасху по календарю Центросоюза, но кондуктору она приходится на 20-е число. А доканало его то, что черков Николая на Кукишках недавно переделали в комсомольский клуб.

А кондуктор спрашивает теперь каждого:

— Вам в какую сторону ехать?

Пассажиры возмущаются.

ТАЙНА ЛХАССЫ.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА МОНГОМЕРИ МАК-ГОВЕРНА.

Общий вид Пампа-Цюэа.

XVIII. НАЧИНАЕТСЯ МОЯ НОВАЯ РОЛЬ.

В ЭТУ НОЧЬ я поведал весь мой план моим людям. До сего времени они не знали о моем намерении попасть в Тибет.

Я им сказал, что моя цель не только Тибет, но, главным образом, Лхасса, и что для достижения этого я должен идти передетым. Каждому из них я подробно объяснил его роль и настаивал на том, чтобы каждый тщательно ее выполнял. Из багажа я вынул великолепный костюм, который носит знатные сиккимцы и торжественно подарил его Сатане. С этого момента он должен был быть господином—сиккимским помещиком, идущим на богомолье в Лхассу, а мы все—его свитой. Остальные слуги должны были продолжать нести свои обычные обязанности, и лишь я был разжалован в помощника Латену, на должность повара и сушняком. Я должен сказать, что все слуги стали осуществлять протест с величайшим удовольствием. Они смотрели на это, как на игру, а опасность, которой мы подвергались при обнаружении переодевания, мало волновала их слабые умы.

Настоящее и полное переодевание я проделал на следующий день (31 ян-

варя); оно было чрезвычайно мучительно. Мои волосы были уже выкрашены, надо было сделать лишь несколько заключительных штрихов, но чтобы окрасить все мое тело, я должен был стоять голым на утреннем ледяном ветру, в то время, как Латен покрывал меня с ног до головы составом из ореха и иодина. Я находил необходимым покрасить все мое тело, а не только обычно видимые его части, ибо было возможно ожидать в пути полного медицинского исследования.

Наконец, дело дошло до трудной работы с моими глазами, по тому, что голубой цвет моих глаз был самым слабым местом всего переодевания. Для этого я имел два средства. Во-первых, лимонный сок, который я впустил в глаза, несмотря на острую боль и сильное раздражение слизистой оболочки; от них зрачки временно потемнели. Засим свои воспаленные и потемневшие глаза я закрыл дымящими очками и положил большой запас камня под ресницы, чтобы иметь вид создаваемого этим обычное страдания глаз. Ближайшая следующая задача была свернуть все мое европейское одеяние и другие уличающие предметы и спрятать их в углубленные скалы на удивление того человека, который может на них наткнуться.

XIX. ОПАСНОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ.

Мы выступили дальше.—Через 8 миль длинный исток привел нас в первое тибетское поселение. Любопытно, что в деревушке мы встретили двух людей, которые хотели перейти перевал в обратном направлении несколько дней тому назад и были принуждены вернуться. Один из этих людей от омерзения умирает; по соседству с деревней был воинский пост. Летом, когда проход открыт, здесь находятся также и чиновники, которые осматривают всех проходящих, но на зиму, когда всякое движение между Сиккимом и Тибетом прекращается, чиновники эти ушли в замок Камба-Дюонга, на несколько миль дальше. Я очень опасался, что при входе в деревню кто-нибудь откроет меня, но, очевидно, все было в порядке, и на нас не обратили внимания.

Мне очень хотелось отправиться в Камба-Дюонга сейчас же и, после короткого отдыха, мы двинулись дальше; не доехав 4 миль до города, я опять остановился. Камба-Дюонга—официальный центр этой части Тибета. Здесь имеют местопребывание два губернатора и все подчиненные им власти.

От них я мог ожидать всякого безпокойства. Несмотря на улачу в де-

ревые, я опасался здесь более тщательного и внимательного осмотра. Наше внезапное прибытие среди зимы могло возбудить разные комментарии и могло дать повод к следствию. Поэтому я послал Сатану и Латена добить продуктов и нанять комнату для остановки в гостинице. Сатана должен был сказать, что животные и слуги придут потом. Диоген и я дежурили у животных до конца дня и хотели войти в город, как только стемнеет.

XX. ЗАТРУДНЕНИЯ В ПУТИ.

Согласно плану, мы двинулись, когда стало темно, но были несколько задержаны в пути внезапным падением второго поя. Я не хотел потерять его, и мы простояли некоторое время, безуспешно пытаясь поднять его; но в конце концов, поны издох на наших глазах; мы вошли в город около 11 часов и нашли, что все в порядке. Латен был допрошен чиновниками, но ничего не выдал. Всем нам пришлось спать на дворе гостиницы, ибо все комнаты были заняты постояльцами, пришедшими из ближайших деревень на праздник. Этой ночью под весом позволила мне бросить взгляд на город при лунном свете. Ясная лунная ночь скрашивала грязь улиц и очень выгодно выставляла замок на высоком холме. Не считая развалин, имеется 54 таких замка в Тибете, называемых Дюнгмаи. Каждый из них представляет столицу округа, управляемого двумя губернаторами, один из которых светский, а другой духовный—прекрасный образец двойного характера Тибетского правительства.

В три часа утра на следующий день (1 февраля) мы пустились в путь к Шигатсе—второй столице Тибета, главному городу провинции Теанг и местопребыванию Траши-Ламы. Когда мы немного отошли от города, мы увидели замечательную панораму всех Гималаев; это был самый замечательный вид, который я когда-либо где-либо видал. Наша дорога шла через большую долину Кампа. Хотя Тибет и представлял из себя плато, тем не менее он пересечен рядом горных хребтов, которые делят страну на бассейны отдельных рек. Долина Кампа, лежащая на высоте 15.000—16.000 футов над уровнем моря, одна из таких долин; как правило, равнины эти довольно слабо населены, но в этот день в течение утра мы прошли шесть небольших деревень.

Теперь у нас остался один поя, на котором можно было ехать верхом и я настоял, чтобы Сатана, как господин, ехал на нем. Смерть двух пою очень уредила наш ручной багаж; чтобы отвлечь подозрения как в деревнях, через которые мы проходили, со стороны встречных путешественников, я взялся нести самый большой и тяжелый мешок, обычная участь последнего по рангу слуги.

XXI. СТРАНА ОЗЕР.

К полудню мы подошли к северной границе долины Кампа и стали подниматься на одну из гор, которые делят ее на бассейн.

Дорога была очень песчаная, и мы находили, что подъем здесь даже труднее, чем на сделанном нами перевале. Поднявшись, мы попали в другую долину.

Большая деревня лежит в этой долине немного ниже, но я решил заночевать под открытым небом, ибо знал, что чем дальше мы будем от деревни, тем меньше шансов быть открытыми. Вечером нам удалось зажечь огонь. Мы не нашли здесь ни куска дерева, но собрали старый коровий помет, который служит в Тибете вместо топлива. Это единственное топливо в этой стране, лишенной и угля и деревьев; коровий помет (кызак) специально собирается детьми, а затем сжигается. Он дает хороший огонь, но его надо часто подкладывать. Кроме того, вследствие содержащегося в нем аммония, кызак придает особый запах пищи, которая на нем готовится; странно, к этому запаху туземцы настолько привыкли, что кушанье, изготовленное без этого дымка, кажется им менее привлекательным.

Я никогда не представлял себе, что буду спать в повалке у туземцев, но этой ночью было столь холодно, что мы могли спать, лишь согрелая друг друга теплотой своего тела. Даже Диоген стал жаловаться на холод и боль в ногах. На следующий день (2 февраля) мы дви-

Тибетские музыканты.

нулись в Тутса и увидели небольшое замерзшее озеро. Тибет страна озер; на его плато разбросано множество их, больших и малых. Некоторые пополняются тающим в горах снегом, другие постепенно высыхают. Можно думать, что бассейны Тибета были некогда гигантскими озерами, которые затем испартились и обратились в небольшие сравнительно водоёмы; некоторые из озер с пресной водой, другие солёные или горько солёные. Одни покрываются на зиму льдом, в других вода столь солёна, что совершенно не замерзает.

XXII. ГРУБОСТЬ САТАНЫ.

Первое время ледяное пространство озера представляло для нас некоторое препятствие. Один из мулов поскользнулся на нем и повредил себе ногу. Бедное животное протаскивал еще несколько дней, а затем издохло от этого повреждения. Сатана сделался столь раздражителен вследствие утомления последних дней, что стал прямо невыносим. Я не мог, между тем, поврать с ним отношений и должен был быть с ним

в мире, несмотря на его постоянные угрозы донести тибетским властям.

К сожалению, он прекрасно понимал мое затруднительное положение и постоянно извлекал из него для себя выгоды. После полудня мы подошли к большому городу Кума. Здесь какой-то пастух повстречался с нами и пошел рядом до самой своей хижины, расположенной на мило, или около того, дальше; он все время заговаривал со мною, полагая, вероятно, что я, в качестве последнего слуги—кули, буду более доступен; хотя в своих ответах я и был лаконичен, сколько возможно, так как боялся, что неверное употребление какого-либо слова выведет меня, однако, он продолжал разговаривать, идя рядом, и в то же время продолжал свое взыскание, любящее занятие тибетских крестьян, одинаково и мужчин и женщин.

Этой ночью мы остановились в лутсином, оставленном пастухами в пустышке, в 10 милях далее Кумы; ясное утро превратилось скоро в сумрачный день. Было туманно, и, оглянувшись, мы видели, что сильный снег валил в том самом проходе, который мы только что сделали. Если бы мы еще прождали два дня на той стороне перевала, мы, конечно, погибли-бы. Да и наше теперешнее положение было довольно серьезно, и нам снова предстояло вынести страшный холод. Достаточно было высунуть палец, чтобы чувствовать укусы мороза. К несчастью, мы не находили нигде кызика, не могли зажечь огня и отвести душу за чаем. Нам страшно хотелось пить, и хотя мы расположились на берегу небольшой реки, вода в ней замерзла, и, единственно, посягаясь лед, мы могли удовлетворять нашу жажду. Ночью было еще хуже; было так холодно, что мы не могли спать, особенно страдал Диоген со своими отмороженными ногами.

XXIII. РЕШЕНИЕ ИДИТИ ДЕРЕВНЯМИ.

Рано утром, 3-го февраля, слуги заявили мне, что их страдания так велики, что они не могут идти так, как мы до того делали, т.е. минуя деревни. Или все наше путешествие следует бросить, или вместо того, чтобы ночевать под открытым небом—мы должны заходить в тибетские деревни, где можно найти себе теплый ночлег на постоялом дворе. Это, конечно, увеличивало шансы быть обнаруженным: каждый день я буду под наблюдением деревенских жителей, но я понял, что я больше не могу подвергать своих слуг таким лишениям.

Кроме того, я был доволен успехами моего переодевания: много раз я встречался и говорил с тибетцами, которые, очевидно, не находили ничего необычного в моем говоре и внешнем виде.

Поэтому я принял предложение слуг, и мы больше не останавливались уже под открытым небом.

События ближайшего же дня поставили меня в более близкое соприкосновение с тибетцами. Через час или два мы встретили двух мелких торговцев, отца и сына, которые возвращались после торгового путешествия в свой родной город Шигатсе. Мы остановились на минуту поговорить с ними; затем, узнав, что мы идем в одном направлении, они стали просить разрешения путешествовать вместе с нами. К моему ужасу, Са-

тана, действуя в качестве господина, принял это предложение; хотя я был и против такого риска, тем не менее я был лишен возможности протестовать, так что мы пошли вместе. Забавная и милая пара были эти разносчики! Я сначала был очень обеспокоен их близостью, но потом с удовольствием слушал их болтовню, тем более, что они довольствовались вполне моими монотонными и односложными ответами. Неудобно было лишь то, что их присутствие не позволяло мне ни на минутку выходить из моего положения слуги, я не мог отдать приказания людям, и был обязан обращаться с Сатанюю самым почтительным образом.

Уже под вечер мы всей компанией пришли в деревню Яко, и здесь я впервые близко познакомился с настоящим тибетским постоялым двором; тибетцы очень любят странствовать по своей собственной стране, и в каждой деревне 2—3 постоялых двора. Более приспособленные помещения имеются для курьеров правительств и чиновников; обычно же постоялый двор состоит из обширного двора с навесами и стойлами, расположенными по сторонам.

Одна часть двора огорожена и покрыта крышей, она служит общей комнатой для всех путников, ищущих убежища. Здесь они едят, пьют, разговаривают и спят. Железная жаровня в углу служит, как печь. Кизик и припасы можно получать от „немы“,—так называется хозяйка гостиницы,—приготовить же пищу путешественники должны сами. Мебели нет никакой,—один голый пол. Ночью каждый спутник раскладывает свой овечий ковер, и заваливается спать вся партия в повалку. Путешественники либо спят одетые, либо „раздеваются“ и подкладывают снятые одежды под себя, как подстилку, или покрываются ими.

Спят они чаще всего на животе, поджав под себя ноги; искусственного освещения не употребляется среди крестьян вовсе, так что путники отправляются на покой, лишь только стемнеет.]

XXIV. ЧЕМ ПИТАЮТСЯ И КАК ЖИВУТ ТИБЕТЦЫ.

Нет никакого подобия умывальников в тибетских постоялых дворах, и многие тибетцы вообще никогда не моются в течение всей своей жизни и покрыты густым слоем жира и грязи, который помогает им переносить холод.

Надо добавить, что с момента прихода в Тибет и до самой Лхассы, и я

Тибетский монах—разбойник.

Первый снимок 9-ра Монгомери Мак-Говерна в европейском платье, сделанный после его вторжения из Тибета.

ни разу не вымыл рук и лица; поступить [так—значило бы привлечь к себе внимание.

На следующий день (4 февраля) два разносчика научили нас путешествовать на настоящий тибетский манер. Следуя их примеру, мы поднялись за 2 часа до восхода солнца и отправлялись в наш дневной переход, не ливши, и не вши. Мы его делали медленным спокойным шагом до 11 час. дня, когда остановились на час на постоялом дворе и приготовили там первую пишу. В 12 час. путешествие вновь возобновилось и прекратилось перед самым заходом солнца, когда мы остановились у деревни Ябу-Пюнг, где мы решили провести ночь, пройдя около 30 миль. Последующие дневные переходы были повторением описанного.

Наш обед и завтрак состояли из одних и тех же блюд: это были: мясо, ячмень и чай; мясо, которое едят в Тибете, это баранье и мясо яка. Оно готовится так: задняя нога животного выставляется на двор, чтобы она заморозилась; это предохраняет ее на несколько месяцев, хотя днем она и оттаивает. На ночь она опять замораживается, процесс, который постоянно повторяется.

Тибетцы не претендуют на то, что мясо это слегка портится, и находят, что оно в таком виде даже вкуснее.

В редких случаях мясо варят, но по большей части путешественники едят его сырым. Разрезая его на части своими большими ножами, они едят его пальцами.

Употребляемый в Тибете чай очень грубого сорта. Это так называемый китайский кирпичный самого низкого сорта; несколько кусочков чаю отбивают от большой плитки и бросают в кипящий котел. После того, как чай хорошенько вскипит, прибавляют туда много масла, и немного соды и соли. Все это мешается, опять кипятится. Любопытно отметить, что ни молока, ни сахара в Тибете не употребляют. Иногда баранье сало заменяет при приготовлении чая масло. Весьма часто масло, которое кладут в чай, очень плохое и прогоркло. Его держат месяцами, пока оно не поладит в употреблении; при этом, масло сгнивается самым лучшим, если оно долго лежит. Такой тибетский чай потребляется в неограниченном количестве и служит одновременно и питьем и едой.

Ячмень сначала молотится, а затем обрабатывается в дольнюю мягкую муку. Горсточка этой муки бросается в чай и мнется пальцами в круглые комки. Их затем едят, вылавливая пальцами.

(Продолжение в следующем номере).

ПОГИБШИЕ МИРЫ.

Ст. И. Н. ХИБАРИНА.

ВЫДЕМ весенним или летним днем за пределы Москвы и зайдем в какой-нибудь овраг; будем собирать по дну и склонам оврага что-либо достойное нашего внимания и, вот, среди различных камешков мы заметим крайне любопытные предметы, которые, при более подробном рассмотрении, окажутся окаменевшими раковинами морских животных.

Как, морских животных? Ведь от Москвы или другого места центральной России до моря сотни верст. Как же могли попасть сюда морские раковины? И наука отвечает на это: суша и море меняют свои места. Там, где сейчас стоят города и села, в которых кипит жизнь, где тянутся поля и леса и высятся горы, когда-то было море, волны которого свободно гуляли на широком просторе; и, наоборот, где теперь широкая гавань моря, кажущаяся бесконечной,—когда-то была суша, с ее горами и равнинами, с растительными и животными миром... Да и сама суша меняет свой вид там, где высилась гора, становятся равнины, а равнины с течением времени превращаются в гористую местность.

Ученые геологи, изучая Землю, составили ее историю. История Земли разделена учеными на эры, громадные промежутки времени, эры — на эпохи или периоды, эти, в свою очередь, делаются еще на меньшие промежутки. Вот табличка истории Земли:

Эры.	Периоды.	Современные.
Необойская (ледя).	Четвертичный	Ледниковый.
	Третьичный	Миоцен. Оligоцен. Эоцен.
Мезозойская (средняя).	Меловой.	
	Юрский. Триасовый.	
Палеозойская (древняя).	Пермский.	
	Каменноугольный. Девонский.	
Архейская (начальная).	Силурийский. Камбрийский.	
	Гуронский. Лаврентийский.	

По новейшим научным данным все эти эры в истории Земли обнимают время, измеряемое сотнями миллионов лет. И за это время Земля несколько раз меняла свой облик до неузнаваемости.

Что же заставляло Землю менять свой облик? Различные силы. Возьмем, например, воду: солнечное тепло испаряет громадное количество воды в морях и океанах, водяной пар поднимается

ВИД ЗЕМЛИ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ (снизу вверх):

1—Силурийский период, 2—Девонский период, 3—Каменноугольный и Пермский периоды, 4—Триасовый период, 5—Юрский период, 6—Меловой период, 7—Третьичный период, 8—Ледниковый период.

вверх, подхватывается ветром и уносится далеко вглубь материков. Вверху водяной пар опять превращается в воду, которая и падает в виде дождя; повинаясь силе земного притяжения, вода стремится туда, где ниже, и вот, подобно тому, как мы на подметках нашей обуви проносим часть той земли, по которой ходим, так и каждая капля воды, скатываясь вниз, унесет с собой хотя бы одну песчинку или пылинку, а миллион капелек — миллион песчинок или пылинок, миллиард — миллиард, и помножьте

вдоль поднятия и опускания земной поверхности, — очень часто на громадных площадях...

В результате этих явлений из моря нередко поднимаются небольшие острова и, наоборот, некоторые острова исчезают под волнами моря (как, например, в результате грандиозного вулканического извержения в 1883 г. почти совершенно уничтожены острова Краката). Но все это происходит в небольших размерах. А вот из глубокой древности

все это на сотни тысяч или миллионов лет и вам станет ясно, что целые горы дождевой водой могут быть сглажены до равнины. Кроме того, вода может растворять каменные породы, как она растворяет соль или сахар и, под влиянием этой растворяющей силы воды, твердые камни скал, в течение громадного времени, могут сойти на-нет. Вода затекает в трещины скал, при замерзании она расширяется, благодаря чему трещины увеличиваются и, в конце концов, огромные каменные глыбы разваливаются на кусочки. Вода просачивается в глубину, там она образует огромные пещеры, что может вызвать понижение в данной местности земной поверхности. Вода собирается в ручейки, ручейки образуют большие ручьи, а эти — реки и вся эта масса текущей воды несет громадное количество ила, который и сносятся в море; часто при впадении и в море реки наносят столько ила, что прибрежная местность морей обращается в сушу; укажем для примера на реку Нил, который в течение тысячелетий приносит им илом оттоисвал у Средиземного моря площадь не меньше Московской губернии. А сползающие с гор громадные массы льда (ледники), т. е. опять вода, только в твердом состоянии, подобно гигантскому плуту, всплывают от гор громадные глыбы и сносят их на равнину...

И другие силы, помимо воды, работают над изменением земной поверхности: так, ветер переносит с места на место тучи песка и пыли и ими может прямо-таки стирать твердые камни; колебания температуры заставляют трескаться камни, в результате чего огромные каменные глыбы могут искрошиться до песчинок, а внутренние силы земли, которые часто грозно проявляют себя в вулканических извержениях и землетрясениях, производят поднятия и опускания земной поверхности, — очень часто на громадных площадях...

доходят до нас предания о грандиозных внезапных изменениях земной поверхности. Так, всем известно библейское сказание о всемирном потопе, распространенное, к слову сказать, среди многих народов древности (индусов, вавилонян, греков), библейское же сказание о гибели Содома, Гоморры и других городов, на месте которых образовалось известное Мертвое море... Не лежит ли в основе этих преданий воспоминание о действительно случившихся на памяти человека грандиозных катастрофах. Не было ли на самом деле, пусть не внезапных в буквальном смысле этого слова, но все же более или менее быстрых изменений лика Земли. Среди таких преданий есть одно, особенно возбуждающее интерес, и на которое стоит остановиться подробнее и посмотреть на него с точки зрения современной науки: мы имеем в виду сказание великого греческого мудреца Платона о гибели Атлантиды.

Событие об Атлантиде находится в двух диалогах Платона — Тимей и Критий. В обоих случаях рассказ ведется от лица некоего Крития, передающего по слову Солона, написавшего последний на основании сведений, полученных им от одного египетского жреца. Вот краткий рассказ в «Тимее». «В наших книгах сказано, — говорит жрец Солону, — какую мощную армию сокрушили Афины, напавшую на Европу и Азию и пришедшую из-за Атлантического моря. Это море было пригодно тогда для мореплавания и было перед проливом, который мы называем столбами Геракла (Гибралтарский пролив), остров больший, чем Либия (Африка) и Азия вместе взятые. С этого острова легко можно было переправиться на другое, а с ним на твердую землю (т. е. материк), окружающую это море. На этом острове, Атлантиде, владели цари, с великим и дивным могуществом; под их властью было весь остров и многие другие острова, как и некоторые части материка. Кроме того, по сю сторону они царствовали над Либией, вплоть до Египта и над Европой, вплоть до Тиррении (Италия). Вся эта власть объединилась в одну, чтобы поработить одним ударом нашу страну, вашу и все народы, живущие по сю сторону пролива. Тогда-то проявилась перед всеми доблесть и мощь вашего города. По своему значению и превосходству в делах военных, Афины получили главное начальство над всеми греками. Но так как случилось, что другие племена не могли принять участие в борьбе, Афины одни пошли на великую опасность и, победив врагов, заслужили тронен. Кто еще не был поражен, тех Афины спасли от рабства, а всем другим, живущим как и мы, по сю сторону столбов Геракла, великолепно даровали свободу. Позднее, при великом землетрясении и потопе, в один день и одну роковую ночь, остров Ат-

лантида исчез в океане. Поэтому, море в том месте стало недоступным для плавания, по причине огромного количества ила, оставшегося на месте острова».

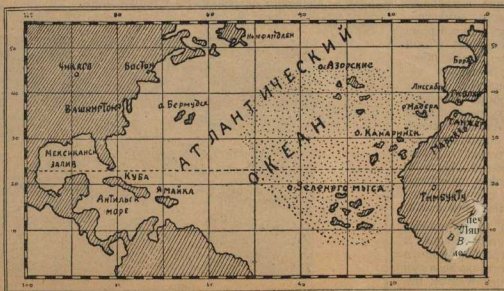
А в диалоге «Критий» содержится подробное описание Атлантиды. Согласно этому описанию, Атлантида была большим островом, лежащим в Атлантическом океане за Гибралтарским проливом между Европой и Африкой, с одной стороны и Америкой — с другой. Климат острова был мягкий и ровный. На острове добывалось много металлов и имелось, вообще, все необходимое для жизни. Разнообразнейшие животные, в том числе и слоны, жили на острове. Богатейшая растительность покрывала равнины и горы Атлантиды; в числе атлантических растений Платон упоминает «плод, дающий вино», «плод, который служит пищею», «плод, дающий одновременно и пищу, и питье и благовония» и т. п. Столица Атлантиды имела много роскошных храмов, дворцов и других зданий. На острове была раскинута сеть каналов, служивших для передвижения и орошения; по каналам суда могли доходить с моря до самой столицы. Далее Платон сообщает, что Атланты обладали большим флотом и могучим войском и дает сведения о населении и государственном устройстве Атлантиды. И вот этот, высококультурный мир, в результате какой-то грандиозной катастрофы, исчез под волнами океана...

Долгое время официальная наука считала платоновский рассказ об Атлантиде простым мифом, сказкой или, скажем, притчей, в которой, под маской внешнего повествования, скрывается только определенная политическая идея. Но в последнее время дело приняло несколько иной оборот: теперь многие ученые более серьезно смотрят на рассказ об Атлантиде, стараются осветить его лаяными науки. Посмотрим же, какой свет бросает современная наука на рассказ великого греческого мудреца.

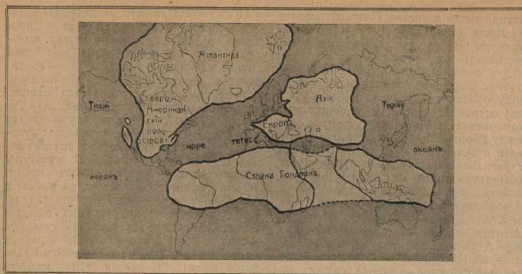
До второй половины прошлого столетия историю человечества начинали с эпохи древних греков; все, что предшествовало грекам, страны Востока, например, считалось недостойным серьезного научного внимания и неимеющим никакого значения в истории человечества. Но вот дело резко изменилось: открытия гениального самоучки Шли-

манна показали, что на островах и побережье Эгейского моря цвела в продолжение многих веков высокая культура (так называемая «эгейская» или «крито-микенская» культура); чтение египетских писем (иероглифов) показало грандиозную культуру древнего Египта, уходящую в глубь тысячелетий; на Тире и Эфрате открыта изумительная многовековая «сумероаккадская» культура; в Атлантиде, оказалось, в течение веков процветала «этрурская» культура; в Центральной Америке была изумительная многовековая культура майя, в Южной Америке — древне-перуанская, затем «ацтекская» культура на Кавказе и в Армии, древнеиндийская культура и таинственная «тихоокеанская» культура на островах и побережье Великого (Тихого) океана. Носители этих культур создали изумительные образцы изящных искусств, грандиозные сооружения, разработавшую науку (вазы и стелныя живопись эгейцев, дворцы, лабиринты на Крите, система каналов в Дуэручи, пирамиды и сфинксы в Египте, календарь и астрономические познания египтян, сумеро-аккадийцев и майя и т. д.). Но вот что любопытно: по всем этим культурам много паразитических аналогий (сходств), например, пирамиды строились и в Египте, и в Италии, и в Америке, культура майя очень похожа на этрусскую, красные человеческие культуры на фазах древних перуанцев pochodят на египетские изображения, и многое другое. Никак нельзя объяснить все эти аналогии замствованиями и простыми совпадениями (трудно допустить, чтобы древнее население Южной Америки замствовало что-либо у египтян, а майя, жившие в современной Мексике — у обитателей Дуэручи или Италии, а так же едва ли могли быть простые совпадения у народов, живших в совершенно различных условиях). И вот, невольно возникет мысль о единстве всех этих культур глубочайшей древности, даже больше — о какой-то едином источнике, из которого вылились эти, разбросанные по всему земному шару, культуры. И вот, если мы только допустим существование Платоновой Атлантиды, то все это легко разрешится: Атлантида уже по своему географическому положению могла быть таким центром, из которого распространились лучи культуры и на восток — в Европу, Африку, Азию и на запад — в обе Америки.

В рассказе об Атлантиде Платон говорит о сильном и культурном народе, жившим в Греции за много веков перед тем; не ясно ли, что речь здесь идет об эгейцах, носителях знаменитой эгейской культуры, ставших науке лишь в известном самом последние время; древние греки не имели о них никакого понятия. А это паразитическое совпадение с исторической правдой заставляет с доверием отнестись

Вероятное местоположение Атлантиды.

Материки и моря в нижнемеловыйскую эпоху.

и к остальным сведениям Платона.

По Платону Атлантида была большим островом, лежащим за Гибралтарским проливом, с мягким и ровным климатом, с богатейшим животным и растительным миром. Участок суши, лежащий в районе современных Азорских и Канарских островов, мы и должны представлять себе обладающим вечной весной, с богатейшей растительностью и разнообразным животным миром. А вот, что еще поразительно в рассказе об Атлантиде: Платон говорит, что за этим островом лежали другие острова, за ним море, а за морем материк; не ясно ли, что речь здесь идет об Американском материке, о котором во времена Платона, насколько нам известно, никаких точных сведений не было. Не является ли это лишним доказательством в пользу достоверности Платонова рассказа.

Дно Атлантического океана имеет такое строение: параллельно обоим берегам тянутся две впадины, разделенные приподнятым массивом в 1,500 км. средней ширины. Это подводное плоскогорье имеет много выступов, выходящих в иных местах выше поверхности воды и образующих острова. Острова восточной части океана, тянущиеся с севера на юг—Ян, Майен, Исландия, Азорские, Канарские, Мадейра, Зеленого Мыса, Вознесения, Св. Елены, Тристан-да-Кунья и Гуха—представляют лишь вулканические острова, на них много действующих вулканов, и потухшие сохранили следы недавней деятельности, землетрясения на этих островах не редки. Кроме того, вулканическая деятельность в этой области заметна и в море: здесь обнаружено много подводных вулканов, нередко наблюдается появление новых островков и мелей и, наоборот, исчезновение многих подводных скал. Таким образом, восточная часть Атлантического океана является ареной непрерывающейся вулканической деятельности, здесь находится неустойчивое место Земли и каждый миг могут произойти грандиозные катастрофы и, нет сомнения, что они могли быть и в недалеком прошлом.

Обратим внимание на один замечательный факт. В 1898 году в море, к северу от Азорских островов, лопнул кабель. Кабель стали искать железными «кошками». Глубина океана в этом месте равнялась 3,100 метрам. Дно представляло все неровности горной страны:

высокие вершины, крутые скалы, глубокие долины. «Кошка» цеплялась за скалы с твердыми краями и острыми ребрами. Между зубцами находили осколки, в виде свежееотложенных кусков; куски эти состояли из стекловидной лавы. Наблюдения Лякруа доказывают, что вулканические «лякруа» образуются только под атмосферным давлением, малейшее давление в несколько атмосфер обязательно заставляет лаву кристаллизироваться (а можно себе представить, каково давление на глубине 3,100 метров). Значит, пространство к северу от Азорских островов было покрыто лавовым потоком еще до погружения под волны океана. С другой стороны, провал должен был произойти очень скоро и очень быстро, иначе действием воды и ветра неровности были бы стерты и поверхность местности была бы выровнена, а на самом деле, подводные скалы сохранили все неровности, острые выступы и острые ребра затвердевших лавовых потоков. Область эта находится как раз в вулканическом поясе Атлантического океана и провал целой местности здесь не представляет чего-либо совершенно невозможного.

По наблюдениям ученых третичные складки в северо-западной части Африки доходят до берегов океана, где погружаются в море и на Канарских островах снова выходят наружу: горные цепи южной части Испании круто обрываются в море, продолжив их направление, мы придем к Азорским островам. На одном

из этих островов обнаружены отложения, свидетельствующие о наличии в прошлом большого острова или материка в этом районе. Наконец, на западном берегу Марокко найдены собранные в складки четвертичные отложения, что говорит о движениях земной коры в этой местности в недавнее время.

Растительный и животный мир островов Мадейры, Канарских, Азорских и Зеленого Мыса (которые должны рассматриваться, как остатки погибшей Атлантиды) носит материковый характер и родственен животному и растительному миру Средиземья и отчасти Средней Америки.

Все эти факты ставят некоторых ученых перед следующим выводом: громадная область суши лежала некогда в районе островов Канарских, Азорских, Мадейры и Зеленого Мыса; она соединялась с южной Европой и северной Африкой и доходила почти до Америки; эта площадь суши, лежащая в неустойчивом районе Земли, постепенно дробилась, опускалась частями в море; в конце третичного периода она отделилась от Европы и Африки, но и в четвертичное время происходило дальнейшее дробление этой, когда-то громадной, области, и последний ее большой обломок, который и мог быть Платоновой Атлантидой, исчез под волнами океана, может быть, сравнительно недавно.

Итак, рассказ Платона о гибели Атлантиды при свете современной науки, начинает приобретать формы записи о достоверном событии. Конечно, пока все это лишь предположения, догадки, но догадки очень вероятные, а, может быть, последующие научные изыскания дадут нам и более точные сведения об этом таинственном погибшем мире.

В последнее время некоторые ученые предполагают существование и другого погибшего мира—в бассейне Великого океана. Именно, наблюдение над населением многих животных и растительных форм на островах этого океана и на прилегающих к нему материках наводило на мысль о существовании больших масс суши на месте теперешнего Великого океана.

Итак, там, где теперь мы видим безбрежный простор океанов, когда-то были высоко-культурные миры, но эти миры погибли. А творящая чудеса, наука на наших глазах воскрешает эти погибшие миры.

Материки и моря в верхнюю эпоху третичного периода.

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА.

Статья Б. ГРОМОВА

В настоящей очерке мы остановимся на легкой атлетике, считающейся самым естественным видом спорта, так как здесь заметен упреждающий характер в нашу обыденную жизнь; занятия производятся с минимумом специальных снарядов и приборов.

Легкая атлетика делится на три группы, которые, в свою очередь, имеют еще свои подразделения — бег, прыжки и метания.

Атлетический бег подразделяется на несколько видов — быстрый (или так называемый спринтерский), ускоренный (шпрекерский) и медленный (айрбег).

Подготовка к занятиям бегом происходит уже с ранней весны. Чуть стает снег и обжиает тропинки, как уже все клубы, катаящиеся по легкой атлетике, начинают делать пробеги, так называемые кроссы, или бег по пересеченной местности. Делается это для того, чтобы заранее подготовить свой организм, постепенно втянуть его в работу, одним словом, постараться войти хорошо подготовленным на спортивную площадку (когда она обсохнет).

Собственно говоря, подготовку к бегу следует начинать уже с зимы, в помещении.

Путем правильно подобранных и хорошо скомбинированных упражнений можно прекрасно подготовить организм к лету.

Коротким бегом мы считаем бег на 50, 100, 200 и 400 метров.

Бегун на эти дистанции прежде всего должен обладать большой быстротой, а на 400 метров и выдержкой.

Бегун должен быть тщательно подготовлен. Организм должен быть протренирован не только в смысле дыхания, быстроты ног и т. д., но и в смысле силы всего человеческого организма.

Все короткие дистанции требуют массы выносливости. Продавая на старте (в начале бега) бегу легкую секунду, вы едва-ли сможете дотянуть и преодолеть наших соперников, если вы, конечно, не на много сильнее их.

Кроме того, такая потеря времени действует на нас очень вредно, и вкратце. Принято ли бежать, когда вы видите наших конкурентов. Из всего вышесказанного ясно, что, изучая короткий бег, следует обратить особое внимание на старт.

Средними дистанциями мы называем бег на 800, 1000 и 1500 метров. Здесь, помимо быстроты, требуется еще большая выносливость и хорошее дыхание.

Лучшие мировые бегуны отличаются крепким телосложением, сильными руками, широкими плечами, не говоря уже о поразительно развитых ногах.

Старт бега на 100 метров. Следует обратить внимание на положение бегунов при старте.

Старт играет здесь несколько меньшую роль. Из-за потери одной десятой секунды в начале соревнования, вы не рискуете проиграть всего бег.

Бег на средние дистанции, как и на короткие, приходится на носок, что в начале покажется несколько трудным, но привычка и тренировка быстро оставят бег трудя обходить все расстояние. Попа бегом на длинные расстояния, начиная от 3000 метров и кончая так называемым марафонским — 40.200 метров.

Чтобы рисковать выступать на эти дистанции, нужно быть прежде всего хорошо уверенным в себе, а главное — иметь не однолетнюю тренировку.

Потому начинающим, а на них-то этот очерк и рассчитан, не следует и пробовать бегать на длинных дистанциях до тех пор, пока он в течение нескольких лет не приучит организм к работе.

Кроме бега ровного, существует еще бег, так называемый — барьерный. Дело в том, что на дистан-

цию, например, 100 метров ставится 10 барьеров высотой в 1 м. 06 см. и шириной 1 м. 50 см.

Участник должен преодолеть эту дистанцию, перепрыгивая через барьеры, стараясь ногами их не сбить. Это упражнение одно из самых сложных, но вместе с тем и самых красивых упражнений атлетического спорта. Главная трудность заключается в технике или стиле бега. Этот — весьма трудно разучиваемый стиль имеет свою целью дать возможность бегуну брать препятствия с наименьшей затратой силы и времени.

Очень полезно бывает устраивать эстафеты, где одновременно принимают участие большое количество народу. Эти состязания командного характера особенно жалки походить, как упражнения колледжников.

В заключение следует сказать, что при занятиях легкой атлетикой употребляются туфли с шпилью на подошве.

Это делается для того, чтобы получился правильный толчок и вместе с тем нога не скользила.

Старт марафонского бега — 40,2 километра.

СОДЕРЖАНИЕ: *Н. АСЕЕВ* — Первомайская американская ночь — рассказ. *М. ПРОТУСЕВИЧ* и *И. САВЛИН* — Дело Эрбе и К^о. Главы X и XI *Ф. РАСКОЛНИКОВ* — Денги на первомайском празднике. *П. ШЕЛКЯКОВ* — Праздник борьбы. *РУДНЕВ-РАЗИН* — На горном шоссе. *МУНИН* — Из комсомольского блок-носта. *С. ИНГУЛОВ* — День печати. *Г. ЯРШЕВ* — Юношеская печать. *РУДНЕВ-РАЗИН* — Только один момент. *Н. КУЗЬМИН* — О половских обмачах и грешных комсомольцах. *РАХИЛЛО* — Гражданин Липкин и класидар Центрсоюза — рассказ. *МОНГОМЕРИ МАК-ГОВЕРН* — Тайна Лаксы. *И. Н. ХИБАРИН* — Погибшие мира. *Б. ГРОМОВ* — Легкая атлетика. *МОНГОМЕРИ МАК-ГОВЕРН* — Тайна Лаксы. *И. Н. ХИБАРИН* — Погибшие мира. *Б. ГРОМОВ* — Легкая атлетика. (вместо книжки Саломирского «Черные багаты»). К этому номеру прилагается на абонемент № 2 книжка А. Шифреса — «Красная армия и комсомол».

Издатель: «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Главный 22274.

5-ая типография «Трапсечати» Н. К. П. С. «Пролетарское Слово», Южный пер. 4.

Тираж 25.000.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1924 ГОД

Школы, Клубы, Библиотеки, Организация РКСМ, Рабочая и Крестьянская Молодежь — все должны быть подписчиками нового, большого, иллюстр. двухнед. журнала рабочей молодежи

ОРГАН „СМЕНА“ ЦК РКСМ

В ПРОГРАММЕ ЖУРНАЛА:

Революционная романтика, романы, повести, рассказы и стихи.
Путешествия, географические, этнографические, геологические очерки, статьи по вопросам естественных, технич., социальной гигиены, научной организации труда и др.
Хроника научных открытий и технических усовершенствований.
Очерки по истории революционного движения в России и за границей, очерки по истории партии и Союза молодежи.

Особое внимание журнала уделяет освещению жизни рабочей молодежи. Специальный Отдел школьного строительства и Фабзавуча. Специальный Отдел жизни и строительства Красной армии и флота. Кроме того, журнал будет уделять много места спорту, кино, шахматам и шахкам.
В каждом номере журнала до 100 фотографий, рисунков, иллюстраций и зарисовок.

Популярные статьи по вопросам общественного.

Принимают участие лучшие художественные и публицистические силы.

ГODOVЫЕ ПОДПИСОЧНИКИ ПОЛУЧАЮТ БЕСПЛАТНО „СПУТНИК МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“ с необходимыми краткими сведениями по всевозможным вопросам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

- 1-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со „СПУТНИКОМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“ на год 8 р. 50 к. на полгода 4 р. 80 к. на 3 мес. 2 р. 50 к.
- 2-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со „СПУТНИКОМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“, с приложением 12 выпусков Научно-популярной серии библиотеки „СМЕНЫ“ 1.200 строк текста и 400 рисунков. Библиотека заключает в себе следующие: Всякая Жизнь, се просветление и развитие. Животные и растения. Энергия, и ее источники. Электричество. Воздушный океан. Двигательский человек. От молотка к трактору. От избыточного общества к коммунизму. Природные богатства СССР. Научная организация производства.
- 3-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со „СПУТНИКОМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“, с приложением 12 выпусков журнала „БОРЬБА МИРОВ“ размером в 2—3 печатных листа. В программе „БОРЬБА МИРОВ“: соп. романтика, фантастика, приключенск. расск., экран, экран спорта, экран сатиры и т. д.
- 4-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со „СПУТНИКОМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“, с приложением 12 книг библиотеки „СМЕНЫ“, заключенных новые романы Синклер, Дж. Лондона, Агасса и сборники рассказов лучших иностранных и русских писателей, а также книги по истории движения рабочей молодежи, по политической грамоте и большой труд Рымыженца „Чужда техника XX века“—всего 160 страниц текста.
- 5-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со „СПУТНИКОМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО“, с прилож. 12 вып. „Научн. полуз.“ серии и 12 кн. библи. „СМЕНЫ“.
- 6-й АБОНЕМЕНТ:** 24 номера журнала со всеми приложениями на год 26 р. на полгода 14 р. на 3 мес. 7 р. 80 к.

ГODOVЫЕ ПОДПИСОЧНИКАМ—РАСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—40 чер.; 1/2 стр.—20 чер.; 1/4 стр.—10 чер.; 1/8 стр.—6 ч.; стр. пош.—60 ч. в. на обложке на 50% дороже. Сверх тарифа налог 15%.

Адрес РЕДАКЦИИ и Гл. КОМПОН: Москва, Старая пл., д. № 10 А. Тел. 1-89-13. Телер. адр.: МОСКВА, „ЖУРНАЛ СМЕНА“.

В. С. Н. Х.

ВЕРСОСИСИИКИ ГОСУДАРСТВЕННИ КОЖЕВЕННИ СИДИНАТ.

Москва, Повороний бульвар, 4.

Синдикат объединяет крупнейшие Кожевенные Тресты, имеющие в своем составе наилучше оборудованные государственные, кожевенные, обувные, шпоро-седельные, меховые и штильные предприятия.
ОТДЕЛЕНИЯ: Северо-Западное (Ленинград), Западное (Минск), Украинско-Крымское (Харьков), Юго-Восточное (Ростов и Дону), Уральское (Екатеринбург) и Сибирское (Ново-Николаевск).
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЗА ГРАНИЦЕЙ: в Лондоне, Берлине.

ПОКУПАЕТ:

Кожевенное сырье, дубляные экстракты кожи и всякого рода всевозможные материалы.

ПРОДАЕТ:

Выделанную кожу, обувь рабочего, крестьянского и городского образца, шпоро-седельные изделия городского и областного образца, привозные ремень, гонки и всевозможные изделия из кожи. Заготавливает сырье.

ЭКСПОРТИРУЕТ:

Выделанное мела, шиншил, цитрия, кожевенное сырье и др.

ИМПОРТИРУЕТ: Американское талкое сырье, дублянок, химикаты и проч.

ПРИЕМЛЕ: Москва, Повороний бульв., 4.

ТЕЛЕГРАФИИИ АДРЕС: Москва, Коминтерн.

Кожевенные оптово-розничные магазины Москва, Зарядье, Зарядьевский пер. 8 телефон 37-21.

Большой выбор всевозможных кожевенных товаров, крестьянской, рабочей и городской обуви.

Московская контора государственного страхования „Мосгубстрах“

г. Москва, Ильинка, Кушков пер., д. 1; Телеф: 2-50-74 и 1-71-20.

Принимает на страх от учреждений, частных лиц, жилищных товариществ и арендаторов: от огня строения, фабрики, заводы, всякого рода домашнее движимое имущество и товары.

ПРОИЗВОДИТ ТАКЖЕ:

а) страхование транспортов в пути от несчастных случаев и от краж и пропаж.

Агенты по транспортному страхованию на всех станциях и в коммерческих агентствах жез. дор. в г. Москве.

б) от падежа и несчастных случаев крупный рогатый скот и лошадей.

Тарифы по всем видам страхования значительно понижены.

агента мосгубстраха:

- при МОСГОРВАНКЕ. Ильинка, 12.
- Московской 1-ре Губстанк. Кушутский мост, 10.
- Московском Торгово-Промышленном О-ве Валики. Кредита: М.-Черкасский пер., 3/4.
- Коммерческом О-ве Гаамы. Кредита: Ильинка, 9.
- Московском Учен. О-ве Валики. Кредита: Ильинка, 9.
- 1-ом Моск. О-ве Валики. Кредита: Ильинка, уг. Ветюного ряда, пом. 305.
- Московском Совете Народного Хозяйства: Навальная, 12.

Агенты транспортного страхования в Москве на всех станциях.